

Светлана Дроздова

Наследство Кукловода. Кулисы

Светлана Дроздова

Наследство Кукловода. Кулисы

«Автор»

2026

Дроздова С. В.

Наследство Кукловода. Кулисы / С. В. Дроздова — «Автор»,
2026

В своем загородном поместье умирает великий режиссер Игнат Крестовский. Но его смерть — лишь начало спектакля, спланированного с точностью до секунды. Шестеро врагов, каждый из которых был сломлен и уничтожен тиранией Крестовского, получают таинственные приглашения: билет на поезд, ключ и лаконичную записку от мертвеца. Собираясь в усадьбе «Хижина драматурга», они оказываются отрезанными от мира. Дом, превращенный в герметичный мавзолей, становится сценой для финальной игры. Семьдесят два часа — таков лимит кислорода и время, отведенное на исполнение завещания: наследство получит только последний выживший. Актер, драматург, критик, сценограф, режиссер и бывшая прима — все они ненавидят друг друга почти так же сильно, как ненавидят Крестовского. Но в этом лабиринте из стекла и книжной пыли, где каждый шаг записан в сценарии, а из динамиков звучит смех мертвого кукловода, им предстоит понять: чтобы выжить, им нужно переписать финал этой истории.

© Дроздова С. В., 2026

© Автор, 2026

Светлана Дроздова

Наследство Кукловода. Кулисы

Глава 1. Анатомия финала

Часть I. Декорации (Экспозиция места)

Кабинет-библиотека Игната Крестовского пах смертью, но не тем сырым и сладковатым запахом тлена, который обычно сопровождает уход человека в мир иной, а стерильным, больничным ароматом лекарств, смешанным с густым запахом старой кожи, воска для натирки дубового паркета и книжной пыли веков. Смерть здесь была не трагедией, разворачивающейся в реальном времени, а финальным штрихом тщательно продуманной инсталляции.

Игнат сидел в массивном вольтеровском кресле из потрескавшейся бычьей кожи цвета запекшейся крови. Кресло стояло у незажженного камина — режиссер презирал открытый огонь за его пошлость, предсказуемость и дешевый театральный эффект. Его тело выглядело как реквизит к спектаклю о восстании мертвецов: кожа пергаментная, туго обтягивающая кости черепа, скулы острые настолько, что казалось — они могут порезать воздух при резком вдохе, а глаза глубоко запади, окруженные фиолетовыми тенями, похожими на грим злого шута. Редкая системная болезнь высушивала его медленно, клетка за клеткой, превратив некогда властного, громогласного тирана сцены в хрупкую мумию.

Он не двигался уже несколько часов. Дыхание было настолько поверхностным, что оно казалось частью сквозняка, гуляющего по высоким потолкам библиотеки. На коленях лежал томик Антонена Арто в издании пятидесятилетней давности с пожелтевшими страницами. Крестовский смотрел на текст, но видел перед собой лишь схему идеальной мести, чертеж эшафота, на котором он собирался вздернуть шестерых призраков своего прошлого.

«Хорошо», — произнес он вслух. Голос прозвучал как трение наждачной бумаги о стекло — сухой, надтреснутый, лишенный всякого человеческого тепла, способный только царапать слух. — «Декорации установлены. Свет выставлен. Занавес поднят».

Никто ему не ответил. В кабинете царила абсолютная, звенящая тишина, которую нарушало только мерное, тяжелое тиканье напольных часов красного дерева, стоящих в дальнем углу. Тик-так. Звук метронома, отсчитывающего последние такты партитуры, темп которой задавала сама вечность.

Взгляд режиссера упал на свои руки, покоящиеся на широких резных подлокотниках. Пальцы были длинными, узловатыми, с выпуклыми суставами, напоминающими корни старого дерева. Инструменты портного или палача. Он попытался сжать кулак, проверить моторику, но мышцы отказывались подчиняться окончательно. Суставы хрустнули сухо, как ломающиеся сухие ветки под ногой браконьера. Старость пришла внезапно, без предупреждения, ударив сразу по всем фронтам: колени превратились в труху, поясницу простреливала фантомная боль от старых травм на сцене, а зрение расфокусировалось, превращая книжные полки в размытые пятна коричневого и золотого.

— Спектакль требует темноты, — прошептал он пустой комнате. Это была привычка разговаривать с пространством, выработанная десятилетиями работы в пустых залах перед генеральным прогоном. Пространство всегда отвечало эхом.

Эхо вернулось искаженным, умноженным акустикой высокого потолка. За окном, выходящим на вековой сосновый бор, выла метель. Ветер бился в толстое панорамное стекло с такой силой, что вибрация передавалась на дубовый паркет едва ощутимой дрожью. Идеальная изоляция. Идеальные декорации для конца света.

Игнат сделал вдох. Воздух вошел в легкие тяжело, преодолевая сопротивление сузившихся бронхов. Он почувствовал привкус железа на языке — теплый, медный, солоноватый. Кровь. Горло снова сдавил спазм жестокого кашля. Режиссер дернулся, хватаясь иссохшей птичьей рукой за грудь. Кашель рвал остатки легких на части, словно кто-то пытался вытряхнуть коврик. Когда приступ закончился, на белоснежном манжете рубашки, выглядывающем из-под рукава тяжелого кашемирового кардигана, расплылось маленькое алое пятно. Крестовский посмотрел на него со скучающим интересом энтомолога, нашедшего редкий вид жука. Затем аккуратно, двумя пальцами, подтянул рукав халата выше, скрывая пятно от посторонних глаз. Даже сейчас эстетика должна быть безупречной. Грязь недопустима даже внутри труп.

Его веки, тяжелые, как бархатный пожарный занавес старого театра, начали смыкаться. Он не боролся со сном. Морфий, введенный час назад заботливой рукой сиделки, наконец-то победил волю и начал вязать саван из ватной дремоты. Но разум оставался ясным до самого последнего нейрона. Кристально чистым.

Тик-так.

Часы шли.

Пыль танцевала в единственном луче лунного света, пробивающемся сквозь щель между тяжелыми шторами, сплетаясь в причудливые хороводы.

Игнат Крестовский закрыл глаза. Уголки его бескровных губ едва заметно дрогнули, складываясь в подобие усмешки Мефистофеля.

Последняя мысль режиссера не была о Боге, раскаянии или сожалениях об упущенных возможностях. Она была о рампе. О том, увидит ли свет этот финал.

Свет настольной лампы из розового кварца над его креслом мигнул. Раз. Другой. Третий. Напряжение в сети старого дома упало, сопротивляясь нагрузке. Лампа вспыхнула в последний раз особенно ярко, перекаливая вольфрамовую нить добела, и погасла с тихим хлопком лопнувшей стеклянной колбы, выбросив облачко дыма с запахом озона.

Комната погрузилась во мрак, освещаемый лишь мертвенно-бледным светом полной луны и оранжевыми отблесками огня в камине, который продолжал гореть сам по себе благодаря системе подачи кислорода.

Тишина стала плотной, осязаемой. Она заполнила каждый угол, каждую пору деревянного пола, вытеснив остатки жизни.

Сердце Игната Крестовского пропустило очередной такт. И замерло навсегда.

Часть II. Охлаждение (Посмертный протокол)

Смерть — это физика. Процесс остывания начался мгновенно, подчиняясь неумолимым законам термодинамики. Тепло, которое еще теплилось в высохшем теле режиссера, начало

отдавать холодному ночному воздуху кабинета. Температура упала еще на пару градусов. Термостат где-то в стене тихо щелкнул, пытаясь компенсировать потерю, но тщетно.

На тяжелой стеклянной крышке карманных часов швейцарской фирмы Breguet, лежавших на столе циферблатом вверх, образовался легкий налет конденсата — след последнего выдоха, теплого дыхания, столкнувшегося с ледяным стеклом. Капля влаги медленно скатилась по стеклу, оставляя прозрачную дорожку, и впиталась в потертый кожаный ремешок. Время остановилось ровно в 03:17.

Запах формалина, исходивший от тела через поры кожи, стал чуть заметнее, вступая в сложную химическую реакцию с ароматом старых книг, выделяющих типографскую краску. Кожа Дуба. Типографская краска. Формальдегид. Сложный парфюм загробного мира.

Лунный луч сместился на дюйм вправо, теперь освещая не лицо мертвеца, а бронзовую ручку нижнего ящика стола. Резьба в виде маски комедии, разорванной молнией, отбрасывала на стену причудливую, искривленную тень, похожую на гримасу боли грешника на полотнах Иеронима Босха.

Дом спал. Или делал вид, что спит. Старый особняк, построенный еще отцом Крестовского в стиле мрачного северного модерна, был полон звуков, которые можно услышать только в полной, гробовой тишине. Скрипнула половица на втором этаже — обычное дело для деревянных домов, реагирующих на малейший перепад влажности. Где-то в подвале, в бойлерной, тихо щелкнул клапан регулятора давления парового отопления.

Тело в кресле больше не производило никаких звуков. Не было предсмертных хрипов, не было судорог, не было знаменитого «последнего вдоха». Уход Крестовского был таким же эгоистичным и контролируемым, как и вся его жизнь. Он забрал всё внимание себе и оставил после себя вакуум.

За окном продолжала реветь буря. Миллиарды снежинок бились о стекло, создавая белый шум, идеальный фон для отсутствия жизни. Лес вокруг усадьбы превратился в черную зубчатую стену, ошетилившуюся ветками против свинцового неба. Метель замела подъездную дорогу, превратив её в гладкое, девственное полотно, стирая следы шин последнего автомобиля, привезшего морфий. Мир снаружи перестал существовать для этого кабинета.

В этой звенящей пустоте единственным признаком того, что время вообще движется, оставалась пыль. Та самая пылинка, которая танцевала в лунном луче, пока был жив наблюдатель, теперь просто медленно оседала вниз, на густой ворс персидского ковра. Гравитация взяла свое. Порядок восстанавливался.

Кожа Игната приобрела восковой, желтоватый оттенок античной слоновой кости. Губы посинели. Руки, лежавшие на коленях, казались вылепленными из гипса талантливым, но торопливым скульптором, который забыл сгладить края.

Прошло двадцать минут.

Затем сорок.

Где-то глубоко в электронных мозгах системы жизнеобеспечения дома, связанных с биометрическими датчиками в матрасе кровати хозяина и браслетом на его руке, прошел невидимый сигнал тревоги нулевого приоритета. Датчики фиксировали отсутствие движения более

часа. Отсутствие дыхательных движений грудной клетки. Падение температуры ядра ниже критической отметки.

Система помигала зелеными индикаторами тревоги в серверной, закрытой в подвале, и перешла в режим ожидания дальнейших инструкций. Инструкций не последовало. Таймер обратного отсчета, заложенный в код программы самим Крестовским полгода назад, остался в режиме «стендбай». Физическая смерть наступила раньше цифровой активации протокола.

Кабинет окончательно превратился в музейный зал. Экспонат №1: «Великий Режиссер на покое». Освещение: естественное (лунное). Климат-контроль: пассивный.

Часть III. Изоляция (Блокировка периметра)

Ровно в 06:00 утра таймер перешел нулевую отметку.

Это не было похоже на взрыв или голливудскую катастрофу с воем сирен. Активация протокола «Занавес» произошла бесшумно и пугающе эффективно. Дом проснулся и понял, что хозяин ушел, а значит, гостей пускать нельзя. Представление отменяется по техническим причинам.

Первым сдалось электричество. По всему дому прошла легкая волна падения напряжения — лампочки в коридорах притухли на долю секунды, компьютеры в гостевых комнатах перезагрузились. Это сработали реле, перенаправляющие энергию с бытовых нужд на приоритетные системы безопасности.

Затем началось движение металла.

В библиотеке, где сидело тело, это выразилось в низкочастотном гуле, идущем прямо из стен. Казалось, дом вздыхает, напрягая стальные мышцы. Огромные окна-французы, выходящие на террасу, начали темнеть снизу вверх. Бесшумные внутренние рольставни из броневого стали плавно опускались, пряча кабинет от рассвета и любопытных глаз соседей. Через тридцать секунд библиотека оказалась отрезана от внешнего мира глухой металлической стеной. Лунный свет исчез. Теперь комнату освещали только редкие светодиоды дежурного режима на панели климат-контроля, горящие тревожным красным цветом, похожие на глаза хищника в темноте.

Следующими были двери.

Главная дверь библиотеки, массивная плита мореного дуба высотой три метра, имела замок, который не использовался при жизни Крестовского ни разу. Щелчок раздался внутри косяка — сухой, деревянный звук входящего в паз тяжелого стального стержня толщиной в два пальца.

Затем щелкнуло слева.

Справа.

Три вертикальных ригеля и два горизонтальных вошли в гнезда одновременно. Дверь стала единым целым со стеной.

Аналогичная процедура происходила по всему периметру первого этажа. Окна закрывались одно за другим. Задвижки на дверях черного хода падали в пазы с глухим лязгом. Система вентиляции переключала клапаны, герметизируя шахты. Забор свежего воздуха с улицы прекратился. Мощные угольные фильтры начали гонять один и тот же объем кислорода по кругу, очищая его и поддерживая постоянную температуру в восемнадцать градусов Цельсия.

Таймер на центральном сервере обновил статус:
[ВНЕШНИЙ ПЕРИМЕТР: БЛОКИРОВКА АКТИВНА]
[ВОЗДУХ: РЕЦИРКУЛЯЦИЯ]
[АККУМУЛЯТОРЫ РЕЗЕРВА: 100%]
[ТАЙМЕР ДО АВАРИЙНОГО ОТКРЫТИЯ: 72 ЧАСА 00 МИНУТ]

Семьдесят два часа. Три дня.

Крестовский рассчитал всё. Запас автономности систем жизнеобеспечения этого огромного мавзолея был ограничен именно этим временем при условии поддержания комфортной среды для пяти человек. Если шестеро людей окажутся заперты здесь, кислород закончится ровно через семьдесят два часа, если они будут дышать размеренно. Если начнут паниковать и бегать — быстрее.

Но пока в доме никого не было. Кроме одного мертвеца.

Протокол изоляции отработал идеально. Усадьба «Хижина драматурга» превратилась в сейф. А ключ от этого сейфа находился либо в желудке рыбы на дне замерзшей реки, либо в руках самой Смерти.

В наступившей механической тишине стало слышно, как капает вода.

В дальнем углу библиотеки, за стеллажами с драматургией Серебряного века, протекала труба отопления. Тонкая струйка горячей воды была в медный таз, подставленный кем-то из прислуги еще вчера.

Кап.

Пауза в две секунды.

Кап.

Метроном продолжал тикать, даже когда главные часы остановились.

Часть IV. Архивация (Подготовка документов)

Этот процесс завершился задолго до того, как сердце Крестовского дало сбой. Для режиссера подготовка завещания была репетицией собственной смерти. Самым важным генеральным прогоном, где каждая реплика должна быть выверена до миллиметра.

Всё началось месяц назад, в такую же дождливую ночь. Крестовский тогда еще мог ходить самостоятельно, хотя и опираясь на тяжелую трость из черного дерева. Он спустился в винный погреб, который давно переоборудовал в хранилище-холодильник для бумаг и коллекционного вина.

Здесь пахло землей и вечностью. На массивном дубовом верстаке стояла портативная лаборатория химика-любителя. Игнат не доверял государственным нотариусам бумагу, содержащую главную интригу его жизни. Он сам сварил сургуч. Смешал натуральную смолу даммара с кирпичной пылью для придания нужного оттенка запекшейся крови и добавил льняное масло для эластичности. Вареву булькало в медной турке на спиртовой горелке, издавая запах соснового леса, охваченного лесным пожаром.

Конверты он заказывал в частной лондонской типографии под фальшивым именем профессора филологии. Плотность картона — четыреста грамм на квадратный метр. Цвет — «слоновая кость старая». Фактура — зернистая, чтобы пальцы чувствовали дороговизну каждой царапины.

Сам текст письма он печатал лично. Не на компьютере — он ненавидел клавиши ноутбуков за их мягкость. Он нашел на антикварном рынке старую пишущую машинку «Олимпия» с черными клавишами из бакелита, звук которых напоминал выстрелы мелкокалиберной винтовки.

Щелк. Буква "Я".

Щелк. Пробел.

Щелк. Буква "М".

Звук ударов литер о красящей ленте и бумаге был звуком гвоздей, вбиваемых в крышку гроба. Каждое слово было взвешено. Никаких эмоций. Только хирургическая точность оскорблений. Он писал не людям — он писал функциям. Он препарировал их души скальпелем канцелярита.

Когда тексты были готовы, он запечатал шесть конвертов. Нагревательный пистолет растопил черный сургуч до жидкого состояния. Крестовский взял тяжелый латунный штамп. Маска комедии, рассеченная ударом молнии сверху вниз. Оттиск получился идеальным — глянцевым, с пузырьками воздуха внутри застывающей массы. Маленькие кратеры на поверхности ада.

Затем он поднялся обратно в кабинет. Ящик стола открывался плавно — направляющие регулярно смазывали оружейным маслом. Внутри ящик был оббит темно-красным бархатом, как футляр для скрипки Страдивари.

Шесть конвертов легли в ряд. Рядом с ними — шесть ключей от гостевых комнат. И шесть билетов на поезд категории «Императорский люкс». Билеты были невозвратными, купленными на разные имена через цепочку подставных лиц, но маршруты сходились в одной точке — заброшенном полустанке в трех километрах от усадьбы, куда в день собрания должны были подать черные микроавтобусы тонированного стекла.

Крестовский закрыл ящик. Провел ладонью по дереву, прощаясь.

Ключи от этого конкретного ящика он бросил в камин той же ночью. Металл плавился долго, шипя и разбрызгивая зеленые искры меди. Доступ к планам должен был иметь только исполнитель воли — Нотариус Левин, человек старой школы, чья честность граничила с фанатизмом. Левин получит доступ к документам только после предъявления оригинала свидетельства о смерти гербового образца.

Теперь эти документы ждали своего часа в темноте. Они были идеальны. В них не было ни единой юридической лазейки, ни единого слабого места. Это была петля, сплетенная из высококачественной бумаги и законной власти государства. Оставалось только дожидаться, когда шеи жертв проденутся в неё сами.

Часть V. Эхо (Обнаружение тела)

Управляющий домом, Прохор, прослужил у Крестовского пятнадцать лет. Он привык к странностям хозяина: к ночным крикам на актеров-призраков, к внезапным пожарам в каминах посреди июля ради спецэффектов, к тому, что завтрак иногда состоял из сырого мяса тигровой креветки и бокала «Вдовы Клико». Но сегодня утром инстинкты старого слуга кричали об опасности.

Игнат Андреевич никогда не спал дольше семи утра. Ровно в 07:30 должна была начаться передача распоряжений по селектору внутренней связи. Селектор молчал. Как рыба.

В 08:15 Прохор поднялся на второй этаж. Дверь в библиотеку была закрыта. Из-под неё не выбивалась полоска света, хотя Крестовский часто работал сутками напролет.

Он постучал костяшками пальцев.

— Игнат Андреевич? Кофе готов. Бразильская арабика, как вы любите. Горький, как ваши рецензии.

Тишина.

Прохор подождал минуту. Затем еще одну. Его рука, покрытая старческими пигментными пятнами, потянулась к дверной ручке. Бронза была ледяной, обжигала кожу холодом нежилого помещения.

Он толкнул дверь. Заперто.

Это было странно. Очень странно. Крестовский никогда не запирался изнутри, считая замки уделом посредственностей, боящихся своих желаний.

— Игнат Андреевич? Вы меня слышите? — голос управляющего дрогнул впервые за долгие годы. Он позволил себе нотку фамильярности, граничащую с паникой.

Ответа не последовало.

Прохор достал из кармана связку тяжелых ключей, звенящих, как цепи узника. Мастер-ключ подошел со второго раза. Замок щелкнул громко, протестуя, нарушая утреннюю тишину дома.

Дверь открылась внутрь.

Воздух, вырвавшийся из комнаты, ударил управляющему в лицо. Холодный, затхлый, пахнувший бедой и металлом.

Картина, представшая перед ним, была статичной. Театральная пауза, затянувшаяся слишком надолго.

Игнат сидел в своем кресле. Голова склонена набок под неестественным углом, словно шейные позвонки обратились в пепел. Рот слегка приоткрыт, обнажая край металлокерамического зуба.

Прохор замер на пороге. Сердце ухнуло куда-то в желудок, оставив в груди звенящую пустоту. Он знал, что такое смерть. Видел её много раз в своей долгой жизни. Эта смерть была... окончательной. В ней не было борьбы. Кресло приняло тело хозяина в свои объятия, как старый, верный пес, принимающий седока.

Управляющий сделал шаг вперед. Подошва ботинка скрипнула по паркету. Звук показался пушечным выстрелом в святилище.

Он обошел кресло полукругом, стараясь не смотреть в лицо покойнику — там могло быть выражение, которое человеческий разум не вынесет. Взгляд зацепился за детали: стоптанные домашние туфли из мягкой кожи; кисть правой руки, свисающая почти до пола, белые костяшки; раскрытая книга на ковре, выпавшая из ослабевших пальцев, обложкой вниз.

Прохор вынул мобильный телефон. Связь в усадьбе работала плохо, нужно подойти к окну. Но окна закрыты ставнями. Темнота.

Он бросился к столу. Там стоял старинный дисковый телефон — прямая линия с городом, проложенная вне общей станции специально для экстренных случаев. Трубка была снята с рычагов и лежала рядом с аппаратом на зеленом сукне. Провод был вырван с корнем из корпуса телефона. Видимо, Игнат сделал это сам в припадке ярости накануне ухода, чтобы никто не беспокоил его ритуал.

Руки управляющего дрожали крупной дрожью, когда он набирал номер скорой помощи и полиции на мобильном, прижимая аппарат к уху изо всех сил. Гудки казались бесконечными.

— Алло, скорая помощь? Центральная? — голос Прохора сорвался на сипение. — Запишите адрес...

Закончив разговор, он опустился на колени прямо на ледяной паркет, чувствуя, как холод проникает сквозь ткань брюк. Пятнадцатилетняя служба закончилась. Хозяин умер. И вместе с ним умерла целая эпоха этого дома, наполненная криками, смехом и запахом валерьянки.

Прохор поднял взгляд на портрет Крестовского, висящий над камином — огромный холст в золоченой раме. Художник изобразил его смеющимся, молодым, держащим в руках маску трагедии, перевернутую комедийной стороной наружу. Сейчас, в сером утреннем свете, падавшем сквозь щели закрытых ставень, падавшем пыльными столбами, казалось, что нарисованные глаза следят за управляющим с насмешливым укором.

— Ну вот и всё, Игнат Андреевич, — прошептал Прохор, осеня себя крестным знаменем дрожащей рукой. — Доигрались.

Часть VI. Молчание (Ожидание)

День похорон прошел незаметно для главного героя главы, потому что главный герой в нем больше не участвовал. Земля приняла тело равнодушно, как принимает любой органический мусор. Священник читал молитвы, путаясь в словах, потому что репутация покойного говорила о нем громче любых псалмов — говорили, он продал душу дьяволу за успех, а теперь черт пришел забрать залог. Шестеро врагов не присутствовали — им не сообщили. Крестовский хотел, чтобы их первое знакомство со смертью произошло позже, в интимной обстановке его кабинета, тет-а-тет.

К вечеру погода испортилась окончательно. Небо, державшееся весь день серой плитой, рухнуло. Началась та самая метель, которая продолжалась и сейчас, превращая мир в лист белой бумаги, на котором еще ничего не написано.

Библиотека встретила делегацию — адвоката и районного врача-патологоанатома — тем же самым морозным дыханием, сохранившимся внутри стен. Доктор констатировал причину смерти быстро и буднично: обширный инфаркт на фоне полиорганной недостаточности. Ничего криминального. Просто износ механизма. Выписал справку.

Адвокат Илья Семёнович Левин действовал иначе. Он не проявлял эмоций. Пока врач подписывал бумаги, Левин методично описывал имущество в кабинете, щелкая кнопкой цифрового диктофона. Каждые пять минут он сверялся с наручными часами, будто опаздывал на поезд.

Когда официальные процедуры завершились, адвокат остался один. Прохор принес ему коньяк в тяжелом граненом стакане. Левин отказался. Ему нужна была трезвая голова для чтения сухих строк закона.

Илья Семёнович подошел к столу. Достал из внутреннего кармана сюртука маленький медный ключ. Тот самый, что хранился в банковской ячейке согласно протоколу экстренной связи «Черный лебедь».

Он вставил ключ в скважину замка нижнего ящика. Дерево сухо щелкнуло, отдаваясь эхом в тишине. Адвокат выдвинул ящик на себя. Красная подсветка бархата. Шесть конвертов. Идеальный порядок.

Левин достал верхний конверт. Повертел его в руках. Вес правильный. Сургучовая печать была нетронута.

Он не имел права вскрывать их до момента официального оглашения, назначенного на пятницу. Это было бы нарушением профессиональной этики и уголовного кодекса. Но он имел право проверить логику.

Адвокат включил планшет, развернул карту региона поверх бумаг.

Станция назначения — «47-й километр». Частный терминал.

Время прибытия поезда актера: 18:45.

Время прибытия поезда критика: 19:00.

Разрыв — строго 15 минут.

Для каждого из шести приглашенных было забронировано отдельное купе в разных вагонах. Билеты оплачены через сложнейшую цепочку офшоров, ведущую к одному из благотворительных фондов покойного. Всё чисто. Всё безупречно. Юридически подкопаться невозможно. Это приглашение добровольно. Принуждение отсутствует.

Левин убрал планшет. Захлопнул нижний ящик стола. Медный замок щелкнул надежно.

Он подошел к окну. Попытался поднять внешнюю штору ручным приводом — колесиком сбоку от рамы. Механизм издал металлический скрежет, но штору заклинило намертво. Блок управления вышел из строя, или автоматика заблокировала доступ извне. Управляющий внизу подтвердил по телефону, что система «Умный дом» ведет себя крайне странно после скачка напряжения утром. Перегрузка сервера займет время, возможно, придется вызывать специалистов из города.

Адвокат вернулся к столу. Достал платок и протер очки. Стекла запотели от разницы температур.

До пятницы оставалось четыре дня. Дом будет стоять пустым, охраняемый лишь электроникой и Прохором. Конверты будут ждать в темноте, накапливая статическое электричество.

Илья Семёнович чувствовал необъяснимую тревогу, поднимающуюся откуда-то из области желудка. Крестовский славился любовью к спецэффектам и юридическим ловушкам. Адвокат проверил систему сигнализации на планшете. Все датчики движения отключены программно. Камеры наблюдения переведены в режим записи по кольцу — старые данные стерты, новые не пишутся. Кто-то намеренно ослепил дом перед смертью.

— Сумасшедший старик, — пробормотал Левин, застегивая портфель. Лицо его было бледным. — Даже умереть не мог без дешевой драмы.

Он выключил свет в кабинете. Полумрак сгустился, становясь почти осязаемым, плотным, как бархатный занавес. Единственным источником света осталась красная точка индикатора на сервере в соседней комнате.

Uptime: 71:59:58...

Таймер продолжал свой бег, отсчитывая часы до чьего-то спасения или чьей-то гибели.

За стенами усадьбы ветер достиг силы урагана. Сосны сгибались пополам, треща стволами. Дорога, ведущая к главным воротам, исчезла под слоем снега толщиной в полтора метра. Мир пытался похоронить этот дом заживо, заваливая его белым саваном.

Конец Главы 1.

Глава 2. Декорация: Пыль и Коньяк

Часть I. Анатомия похмелья (Экспозиция героя)

Аркадий Вершинин проснулся не от будильника, который надрывался на тумбочке уже третий час кряду, а от сухости во рту, которая ощущалась как наждачная бумага категории «нулёвка». Спальня встретила его запахом вчерашнего поражения — смесью застарелого табачного дыма, пролитого дешевого коньяка и собственного кислого пота. Лучи ноябрьского солнца с трудом пробивались сквозь тяжелые шторы из бордового бархата, полосую дешевый ламинат пыльными столбами света. В этих лучах танцевали пылинки — единственные живые существа в этой квартире-студии, которые имели право на движение.

Он лежал на неразобранной постели, поверх покрывала, в несвежей рубашке эпохи Людовика XIV. Бархат когда-то был роскошным, тяжелым, способным держать форму королевских плеч, но сейчас он казался мертвым, утратившим свой театральный лоск под слоем винных пятен и запаха затхлости. Пиджак валялся на стуле спинкой вниз, напоминая труп павлина.

Попытка сесть закончилась тем, что комната накренилась градусов на сорок. Кровь ударила в голову так резко, что перед глазами поплыли красные круги. Аркадий ухватился за косяк двери, ведущей в ванную, костяшки пальцев побелели. Старость пришла внезапно, без предупреждения, ударив сразу по всем фронтам: колени хрустнули, поясницу прострелила фантомная боль от старой травмы спины, полученной еще при падении со станка в «Гамлете», а зрение расфокусировалось. Он посмотрел в зеркало над раковиной.

На него смотрел незнакомец. Опухшее лицо землистого цвета, сеточка лопнувших капилляров на крыльях носа делала его похожим на старую географическую карту, глаза-щелки, полные животного ужаса перед наступающим днем. Седая щетина росла клочками, придавая ему вид спившегося бомжа, который случайно забрел в костюмерную МХАТа и решил там умереть.

— Красавец, — прохрипел он собственному отражению. Голос звучал как скрип несмазанной телеги. — Король Лир до встречи с бурей. Только у того хотя бы была корона, чтобы её заложить.

Зубная паста кончилась вчера. Он скреб зубы пальцем, используя остатки мыла с ароматом хвои, сплёвывая желтую пену в раковину, покрытую известковым налетом. Вода из крана текла тонкой, ржавой струйкой — управляющая компания снова сэкономила на давлении. Коммуналка душила остатки его аристократизма эффективнее любого налогового инспектора.

Раздался звонок в дверь.

Не деликатное треньканье домофона внизу, которое можно было проигнорировать, сделав вид, что дома никого нет, а именно резкий, требовательный электрический звонок прямо у

входной двери квартиры. Один длинный, два коротких. Рингтон службы судебных приставов или кредиторов из микрофинансовой организации, которым он задолжал за прошлый месяц аренды этого гроба.

Аркадий замер с полотенцем в руках. Сердце пропустило такт, а затем заколотилось где-то в горле, отдаваясь пульсацией в висках. Они нашли меня. Налоговая? Банк? Или... те люди из коллекторского агентства, чью визитку он нашел в почтовом ящике неделю назад?

Он прокрался в коридор, ступая босыми ногами по ледяному линолеуму, стараясь, чтобы старые половицы не выдали его скрипом. Заглянул в глазок.

Никого.

Лестничная клетка была пуста. Только тусклая лампочка моргала под потолком, готовясь отдать богу душу и погрузить этаж в полную темноту.

— Чертовщина, — прошептал Аркадий, поворачиваясь спиной к двери и прислоняясь к стене. Адреналин медленно отступал, оставляя после себя липкую слабость в коленях.

И тут он увидел его.

Конверт стоял, прислоненный к старой обувной тумбе, которую он подобрал на помойке три года назад. Идеально белый прямоугольник кремового картона. Никакой почты, никакой курьерской службы. Он просто был там. Словно материализовался из спертых испарений квартиры, пройдя сквозь закрытую бронированную дверь.

Аркадий подошел медленно, боясь дышать. Страх сменился глухим, первобытным раздражением. Очередная издевка судьбы? Реклама элитных ритуальных услуг? «Мы позаботимся о вас, пока вы еще дышите»?

Он взял конверт двумя пальцами. Бумага оказалась неожиданно тяжелой, плотной. Холодной, несмотря на тепло прихожей. На лицевой стороне каллиграфическим почерком, чернилами цвета венозной крови, было выведено:

АРКАДИЮ ВЕРШИНИНУ

В собственные руки.

Подпись отсутствовала, но рука...

Аркадий перевернул конверт. Сургучная печать. Тусклый блеск бронзы. Маска комедии, рассеченная молнией сверху вниз.

Руки задрожали так сильно, что едва не выронили бумагу. Этот отпечаток преследовал его в кошмарах последние двадцать лет. Это был личный знак Игната Крестовского. Его подпись кровью. Метка зверя.

Но Крестовский мертв. Ему сказали об этом три дня назад. Позвонил старый осветитель, всхлипывая в трубку, говорил что-то про остановку сердца, про то, что панихида будет закрытой.

Кто тогда принес это? Розыгрыш? Мерзкая шутка кого-то из молодых актеров, решивших поглумиться над стариком? Кто-то узнал его адрес, раздобыл дорогую бумагу...

Дрожащими пальцами, ломая ногти, он взломал сургуч, использовав край стола вместо молотка. Внутри не было пухлой пачки банкнот или угроз от черных риелторов. Там лежало нечто гораздо более страшное.

Билет на «Сапсан». Вагон №7. Место №13. Отправление сегодня. 20:45.

Ключ. Массивный, латунный, со сложной бородкой. К таким обычно вешают тяжелые бирки «Люкс» или «Апартаменты».

И записка. Отпечатанная на плотном картоне шрифтом старой печатной машинки Underwood. Буквы били по бумаге с такой силой, что оставили рельеф.

«Приветствую Вас в первом акте, Аркадий.

Вы всегда путали чужие аплодисменты со своим существованием. Пришло время сыграть роль без зрителей.

Дресс-код: Черный. Всё, что найдете в шкафу.

P.S. Не опаздывайте. Режиссер ненавидит ждать.

И.К.»

Мир Аркадия сузился до размеров этого картонного прямоугольника. Кровь сначала прилила к лицу, вызвав пожар в сосудах, заставив щеки гореть нездоровым румянцем, а затем отхлынула, оставив его ледяным и мокрым. Ноги стали ватными. Он опустился на корточки прямо в коридоре, прижимая конверт к груди, словно пытаясь защититься от удара.

Это невозможно. Призраки не пишут писем. Призраки не бронируют билеты на поезда через онлайн-кассы. Или... они делают это руками живых?

Страх вдруг трансформировался в ярость. Глухую, черную, актерскую ярость человека, которому указали на его место в гардеробе жизни.

— Старая сволочь! — крикнул он в тишину квартиры. Голос сорвался на визгливый фальцет, совсем не подходящий для амплуа трагика. — Даже сдохнуть нормально не мог!

Голос эхом отразился от стен пустой кухни, увязнув в жирном налете на кафеле.

Аркадий заставил себя подняться. Шатаясь, прошел в комнату. Открыл встроенный шкаф-купе, дверцы которого перекосило от старости. Достал единственный приличный костюм, который берег для фестивалей провинциальных театров и редких творческих вечеров. Темно-синий, слегка потертый на локтях, пахнувший нафталином и несбывшимися надеждами.

Он поедет. О да, он поедет. Если это чья-то шутка, он вырвет шутнику кадык голыми руками прямо на перроне. А если... если это действительно прощальный подарок Игната, то он плюнет ублюдку в лицо лично. Пусть даже тот лежит в земле.

Одеваясь, глядя в треснутое зеркало на дверце шкафа, Аркадий поймал себя на мысли, что впервые за долгие годы чувствует себя живым. Адреналин выжег похмелье лучше огуречного рассола. Руки перестали трястись мелкой дрожью. Перед ним снова была сцена. И пусть она пахла смертью и пылью, запах пороха всегда бодрит лучше утреннего кофе.

Часть II. Вторжение порядка

Жизнь актера вне сцены редко бывает упорядоченной, но квартира Аркадия Вершинина представляла собой особый вид хаоса — хаос падения. Здесь не было места уюту, здесь царила стадия принятия неизбежного банкротства личности. Стены, оклеенные пожелтевшими афишами двадцатилетней давности, смотрели на него лицами юных партнеров, которых Крестовский сделал звездами, пока Аркадий получал роли второго плана.

Телефон разрядился окончательно. Аркадий нашел зарядку под диваном, среди россыпи чеков из рюмочных и высохших фантиков от конфет. Экран вспыхнул, показывая пять пропущенных вызовов от агента («Где аванс?») и один от дочери («Папа, мы можем поговорить?»).

Он сбросил все уведомления одним движением большого пальца, чувствуя привычный укол вины, смешанный с глухим раздражением. Все чего-то хотят. Всем нужны деньги, которых нет.

Именно в этот момент прозвучал стук.

Резкий. Официальный. Дерево о дерево. Никаких звонков.

Аркадий вздрогнул. Кредиторы обычно звонят в домофон и ждут внизу, угрожая всему подъезду. Дворники никогда не поднимаются на пятый этаж сталинки без лифта просто так.

Сердце снова дало сбой. Он подошел к двери, заглянул в мутное стекло глазка.

Там стоял человек. Идеальная униформа серого цвета, пошитая явно на заказ — ни одной складочки. Лицо бледное, выбритое до синевы, абсолютно лишённое эмоций. В руках — планшет и ручка. Профессиональный курьер высшей лиги.

Аркадий открыл дверь ровно настолько, чтобы высунуть голову, оставив цепочку натянутой.

— Служба доставки корреспонденции, — произнес курьер бесцветным голосом. — Вам пакет. Из Департамента имущественных отношений.

— Я ничего не заказывал, — буркнул Аркадий. — И Департамент ваш мне не указ. Кати-тесь к чертям.

— Под роспись, — курьер приподнял бровь. Единственная эмоция за весь разговор. — Ваш экземпляр завещания. Согласно пункту о розыске наследников. Подпись обязательна.

Завещание?

Мозг Аркадия, затуманенный алкоголем и адреналином, зацепился за слово. Деньги? Наследство? Кто-то умер? Может, тетка из Саратова, про которую все забыли, решила оставить ему свои шесть соток и домик из шпал?

— Суньте под дверь! — крикнул он, собираясь захлопнуть створку.

— Крупногабаритное, — отрезал курьер. — Нужна биометрия подписи и сверка лица.

Замок был старым, советским, такие ставили в эпоху застоя. Аркадий повернул вертушку, открывая тяжелую дверь на длину стальной цепочки. Желудок предательски сжался.

Курьер поднял голову. И Аркадий замер.

У курьера не было лица. То есть оно было, правильное, симметричное, но абсолютно лишённое мимики, бледное, как у манекена в витрине похоронного бюро. А главное — глаза. Они смотрели не на Аркадия, а сквозь него, куда-то в район обоев за его спиной.

— Распишитесь, — протянул он планшет, экран которого светился строкой для фамилии.

Цепочка лязгнула. Аркадий инстинктивно отступил на шаг вглубь полутемной прихожей, пряча здоровую правую руку за спину, словно вор. Курьер сделал шаг вперед, перешагивая порог, хотя дверь формально оставалась закрытой на цепочку. Физика пространства дала сбой. Человек-просто оказался внутри.

Ему не нужно было входить полностью. Он просто бросил конверт на потертый паркет. Тот скользнул по дереву, вращаясь, и остановился точно у ботинка Аркадия.

— Ваше наследство, — сказал курьер голосом, который теперь казался смутно знакомым, искаженным цифровыми фильтрами. — Примите лекарство, господин Вершинин. Головная боль будет невыносимой.

Он развернулся. Шагнул обратно за порог. Дверь захлопнулась. Замок шелкнул дважды — сначала английский механизм, потом тяжелый засов, который Аркадий сам навесил год назад, спасаясь от участкового.

Тишина.

Аркадий стоял, дрожа, посреди своей прихожей. По спине тек холодный пот, рубашка мгновенно прилипла к лопаткам. Боль в руке, которой он хотел схватить наглеца, внезапно исчезла. Просто испарилась, будто кто-то вытащил раскаленные иглы из нервов. Он пошевелил пальцами. Сустав встал на место с мягким влажным щелчком. Рука была цела.

Нагнувшись, преодолевая внезапную свинцовую слабость, он поднял письмо.

Каллиграфия. Его имя.

Маска, разорванная молнией.

Внутри, помимо билета и ключа, лежал маленький стеклянный флакон. Инструкция гласила: «Принять при появлении первых симптомов головной боли».

Аркадий смотрел на прозрачную жидкость. Наркотик. Яд. Способ контроля.

— Будь ты проклят, — прошептал он в пустоту лестничной клетки. — Доигрался, режиссер хренов.

Он сжал флакон в кулаке так, что стекло впилось в ладонь. Страх смешался с дикой, первобытной злобой. Злобой на то, что даже мертвый, Крестовский умудрился заставить его сердце биться чаще. Заставил почувствовать ужас. Заставил подчиниться.

Елена звонила ему вчера. Рыдала в трубку, говорила, что ей тоже пришло такое же письмо, что Игнат собирает их всех вместе, чтобы посмеяться. Тогда Аркадий назвал её истеричкой и алкоголичкой. Теперь он понимал, что старая дура была права.

Он посмотрел на часы мобильного. 14:20. Поезд в 20:45.

До вокзала ехать полтора часа. Нужно собраться.

Впервые за полгода у Аркадия Вершинина появилась цель. Она была мерзкой, опасной и дурно пахла. Но это была работа. Приглашение на кастинг. Главная роль в спектакле одного зрителя.

Часть III. Разрыв шаблона

Аркадий вошел в комнату и рухнул в кресло, которое жалобно скрипнуло старыми пружинами. Он сидел, сжимая в левой руке кремовый конверт, а в правой — стеклянный флакончик. Смотрел на них, переводя взгляд с одного предмета на другой, пытаясь собрать расползающиеся мысли в кучу.

Первым делом он изучил билет. Настоящий. Водяные знаки, QR-код, номер вагона. Сайт РЖД подтвердил наличие такого рейса. Куплен вчера утром. Оплата прошла с корпоративной карты какой-то фирмы-однодневки «ООО Рассвет». Отыграть назад нельзя.

Затем ключ. Тяжелый кусок желтого металла. На нем не было номера комнаты, только сложный вензель, похожий на герб. Аркадий знал этот стиль. Крестовский обожал всё имперское, массивное, подавляющее волю.

Записка. Эти слова: «Вы всегда путали чужие аплодисменты со своим существованием».

Игнат бил не в бровь, а в глаз. Это была правда, самая болезненная из всех. Всю жизнь Аркадий считал, что талант — это врожденное свойство, вроде родинки на щеке. Что мир должен упасть к его ногам просто потому, что природа наделила его фактурой и поставленным голосом.

А потом появился Крестовский.

Режиссер, который умел делать золото из грязи. Он брал посредственностей, давал им правильные интонации, правильный свет, правильную музыку, и они становились легендами. А Аркадий... Аркадий оставался красивым фасадом. Великолепной декорацией, за которой скрывалась пустота. Когда Крестовский перестал давать ему главные роли, переключившись на смазливых мальчиков из провинции, карьера Аркадия посыпалась быстрее карточного домика. Он пытался ставить моноспектакли, открывал антрепризы, но везде проваливался. Потому что играть было нечего. Внутри было пусто.

— Сумасшедший дом, — выдохнул он, проводя рукой по лицу. Щетина больно царапнула ладони.

Нужно было выпить. Алкоголь всегда был лучшим режиссером его реальности, расставляющим акценты правильно. Он прошел на кухню, достал из-за мусорного ведра полупустую бутылку дагестанского коньяка. Хлебнул прямо из горла. Обжигающая волна прокатилась по пищеводу, ударила в желудок. Мир приобрел чуть более мягкие края.

Вернувшись в комнату, он начал собирать сумку. Процесс сборов превратился в жалкую пародию на подготовку к гастролям. Зубная щетка, станок, одна чистая рубашка. Он открыл ящик комода, где хранил украшения для ролей. Массивные перстни, цепи, бутафорские ордена.

Может, надеть всё это? Приехать как король в изгнании? Показать этому мертвому снобу, что он всё еще богат духом?

Нет. Аркадий захлопнул ящик. Крестовский любил минимализм в пытках. Чем проще жертва одета, тем заметнее её страх.

Сумка вышла легкой. Почти неприлично легкой для человека, уезжающего на выходные. Как символ всей его нынешней жизни — много шума снаружи, абсолютная пустота внутри.

Он застегнул куртку, проверил паспорт во внутреннем кармане. Посмотрелся в маленькое зеркальце в коридоре. Попытался придать лицу выражение утомленного гения.

— Ну что, маэстро, — сказал он своему отражению, кривя губы в усмешке, которая больше походила на оскал черепа. — Посмотрим, кто кого переиграет. Старый козел против старого барана.

Взгляд упал на стеклянный флакон, стоящий на полке для ключей. Капля жидкости внутри преломляла свет лампы, разбрасывая крошечные радуги по ободраным обоям.

Симптом-Контроль.

Аркадий почувствовал, как горло снова пересыхает. Страх никуда не делся. Он просто спрятался за злостью, но стоило остаться одному, как холодные пальцы паники сжали затылок. Что, если Крестовский отравил его уже сейчас? Что, если яд действует медленно, и поезд привезет его не в усадьбу, а в прозекторскую?

Он взял флакон. Покрутил в пальцах. Запаха нет. Цвет воды.

Отвинтил крышку. Резкий, медицинский запах озона и миндаля ударил в нос. Горький. Очень горький.

Аркадий посмотрел на свое отражение. На мешки под глазами. На тремор рук. На пятно вина на воротнике.

— К черту, — процедил он.

Он капнул две прозрачные капли в стакан, плеснул туда воды из-под крана. Вода стала чуть мутноватой. Он выпил залпом, зажмурившись.

Жидкость обожгла гортань холодом жидкого азота. Через секунду по телу разлилось странное тепло. Оно началось в желудке и поползло вверх, к голове, вымывая усталость, туман и тяжесть похмелья. Головная боль, которая пульсировала в висках с самого утра, просто выключилась, как телевизор пультом.

Аркадий открыл глаза.

Мир стал четким. Стерильным. Углы мебели казались острыми, готовыми порезаться. Краски стали ярче. Он чувствовал каждую нитку своего свитера.

Это не наркотик. Это стимулятор. Чистейший адреналин в ампуле.

Крестовский дал ему дозу. Чтобы он доехал. Чтобы не сдох в туалете поезда от сердечного приступа раньше времени. Великий кукловод дергал за ниточки даже химией в его крови.

Аркадий швырнул пустой флакон в стену. Стекло рассыпалось серебряным дождем.

— Ненавижу, — прошептал он, но в голосе не было уверенности. Было предвкушение. Болезненное, стыдное, но мощное.

Он выключил свет в квартире. Захлопнул дверь. Проверил замок.

Спускаясь по лестнице, он заметил, что хромота меньше обычного. Спина почти не болит. Морфий Крестовского боролся с ядом Крестовского внутри его вен.

На улице шел снег. Первый настоящий снегопад этой зимы. Снежинки ложились на грязный асфальт, пытаясь прикрыть язвы города белым саваном.

Аркадий поднял воротник пальто и пошел к метро. До Белорусского вокзала. Билеты в бизнес-класс были невозвратными.

Часть IV. Стадия гнева

Метро гудело, как растревоженный улей. Аркадий стоял, держась за поручень, и смотрел на своё отражение в черном стекле вагонной двери. Стекло было старым, исцарапанным тысячами ключей и колец, поэтому отражение дробилось, превращая его лицо в мозаику из сотен мелких, искаженных фрагментов. Вот он — великий трагик. Сотня маленьких, напуганных лиц.

Поезд качнуло. Аркадий сильнее вцепился в холодный металл. Внутри него бушевала буря, куда более сильная, чем та, что засыпала город снегом.

Ярость. Чистая, неразбавленная ярость благородного негодяя.

Как он посмел? Мертвец! Труп, гниющий в земле! Вызывать его сюда, как нашкодившего школяра! Присылать шестерок в идеальной форме, травить какими-то препаратами, указывать, какого цвета носки ему надеть!

— Ублюдок, — процедил он сквозь зубы так тихо, что стоящая рядом женщина с ребенком испуганно отшатнулась. Аркадий мазнул по ней невидящим взглядом. Для него сейчас существовал только один человек. Игнат. Живой в его памяти, мертвый в реальности.

Картинки прошлого вставляли перед глазами непрошеным диафильмом.

Первая встреча. Репетиции «Короля Лира». Аркадий был молод, самоуверен, купался в славе после успешного сезона в Ленкоме. Он позволял себе спорить с режиссером.

Крестовский слушал его минут десять, кивая. А потом сказал одну фразу тихим голосом: — Ты играешь не короля, Аркаша. Ты играешь свою тень. Королю не страшно, страшно тебе, что тебя забудут. Найди разницу.

Тогда это показалось гениальным. Глубоким. А сейчас, спустя двадцать лет, выглядело банальным психологическим садизмом.

Потом были другие репетиции. Игнат кромсал текст Шекспира ножницами, выкидывал монологи Аркадия, оставляя ему три фразы. «Ты — стена, Аркадий. На твоём фоне должны сиять другие».

Он сиял. В отраженном свете. Получал премии за лучший ансамбль. Но каждый раз, читая рецензии, видел фамилию молодого сопляка, которого Крестовский привел из массовки, жирным шрифтом в заголовке. А его имя — мелким курсивом в конце абзаца.

Обида копилась годами. Годами он улыбался на банкетах, пожимал руку человеку, которого мечтал столкнуть под поезд. Он пил больше, играл хуже, оправдывая это «сложностью творческой натуры». Но правда была проще и страшнее: он завидовал. Завидовал той легкости, с которой Крестовский создавал шедевры из мусора. Завидовал тому, что режиссера любили проститутки и министры, критики и уборщицы. А его, Аркадия, любили только кассиры в ликероводочном, да и то в долг.

Поезд вылетел из туннеля на мост. За окном открылась Москва — серая, сырая, ошети-нившаяся башнями Москва-Сити. Символ успеха, к которому он так и не смог прикоснуться по-настоящему.

Аркадий почувствовал, как челюсти сводит судорога. Кулаки сжались сами собой.

Если там, в этой чертовой усадьбе, будут эти газетчики... эта Софья Райх... он не сдержится. Он скажет всё. Двадцать лет молчания закончатся. Он уничтожит память о Крестовском одним точным ударом. Расскажет, как тот воровал идеи, как доводил актрис до самоубийства, как жил на чужом горе.

Станция Тверская. Толпа вынесла его из вагона, втолкнула в следующий поток людей. Аркадий двигался на автопилоте, работая локтями.

Автоматические кассы. Покупка бутылки воды.

Он вышел на площадь перед Белорусским вокзалом. Ветер швырнул в лицо горсть колю-чего снега.

Такси. Частник на убитой иномарке.

— Белорусский. Быстрее. Опаздываю на похороны друга, — соврал Аркадий, устраива-ясь на продавленном сиденье.

Водитель кивнул, включил шансон.

Аркадий откинул голову на подголовник. Закрыв глаза.

Гнев требовал выхода. Ему нужен был зритель. Но зрительный зал был пуст. Пока что.

Часть V. Расчет хищника

Площадь трех вокзалов жила своей обычной лихорадочной жизнью. Гудки локомоти-вов, объявления диспетчера, гул толпы, состоящей из встречающих, провожающих и потеряв-

шихся. Аркадий стоял под электронным табло, ежась от холода, хотя отопление в здании вокзала работало на износ.

Его рейс значился в списке отправлений вовремя. Пути номер четыре.

Люди вокруг спешили, волокли сумки, плакали, смеялись. Жизнь продолжалась. А его жизнь вот уже несколько часов как принадлежала сценаристу, чей прах, вероятно, уже превращается в удобрение.

Гнев постепенно выгорал, оставляя после себя холодный пепел профессионального расчета. Актер внутри Аркадия взял верх над обиженным человеком.

Любой выход на сцену требует подготовки. Любая реплика должна быть оправдана сверхзадачей. Зачем он едет? Ради денег? Нет. Денег может и не быть. Кресты часто оставляли состояние монастырям или обществам защиты муравьев.

Он едет ради правды. Ради сатисфакции.

План начал формироваться в голове сам собой, выстраиваясь четко, как мизансцена.

Шаг первый: Прибытие. Войти последним. Заставить всех ждать. Использовать эффект появления звезды, даже если звезда давно погасла.

Шаг второй: Оценка поля. Кто там будет? Кроме него, шести врагов. Елена наверняка будет пьяна или в слезах. Илья начнет язвить. Молодая девчонка будет пытаться строить из себя жертву системы. Софья... Софью нужно бояться. Её мозг работает как гильотина — быстро и чисто.

Шаг третий: Контратака. Крестовский хочет видеть их сломленными. Ждущими подачи. Значит, Аркадий должен вести себя как хозяин положения. Он — Аркадий Вершинин. Народный артист, между прочим. Титул никто не отменял.

Он посмотрел на свои руки. Препарат действовал безупречно. Никакого тремора. Пульс ровный, сильный. Давление, наверное, как у космонавта. Химическая свобода.

Но была деталь, которая не вписывалась в картину. Флакон. Зачем мертвец оставил ему антидот/яд в квартире? Почему не вручил лично? Или не добавил в воду, которую привез курьер?

Ответ пришел внезапно, заставив Аркадия поежиться не от холода, а от осознания чужой жестокости.

Контроль.

Крестовский контролировал его физиологию с самого начала. Он знал, что Аркадий похмелен. Знал, что он слаб. Доза стимулятора — это не помощь. Это поводок. «Иди ко мне, собачка, я дам тебе вкусняшку, чтобы ты не сдох по дороге». Это лишало воли. Делало обязанным.

— Психолог хренов, — пробормотал Аркадий, сплевывая на рельсы. — Театр в каждой вене.

Объявили посадку на его поезд. Пассажиры бизнес-класса начали подтягиваться к выходу на платформу. Люди в кашемире и дорогих парфюмах. Аркадий в своем потертом пальто и с дешевой сумкой-авоськой выглядел среди них как дворовый кот, затесавшийся в стаю породистых сфинксов.

Он встал в очередь. Достал билет. Проводница — молодая девушка с уставшим лицом — провела сканером по штрих-коду. Пикнуло.

— Проходите. Четвертый вагон.

Поднимаясь по ступенькам, Аркадий глубоко вдохнул морозный воздух.

Что бы ни приготовил ему Крестовский, финал зависит от него. Любой спектакль можно сорвать. Можно уйти со сцены посреди действия. Можно отказаться говорить текст.

Но он знал, что не уйдет. Потому что там, в темноте зала, сидит призрак режиссера. И он ждет премьеры.

Войдя в купе, Аркадий первым делом защелкнул замок изнутри на два оборота. Сел на мягкий диван. Положил сумку на полку.

Достал из внутреннего кармана плоскую фляжку с настоящим Hennessy, которую купил на последние деньги таксисту. Отвинтил крышку. Налил в крышечку. Выпил.

Коньяк показался безвкусным. Препарат Крестовского блокировал рецепторы, оставляя только функцию — доставку энергии в мышцы.

За окном тронулся соседний состав. Медленно поплыли фонари платформы.

Аркадий откинул голову на мягкую спинку и закрыл глаза.

Пусть везут. Дорога — это тоже часть сценария. Антракт перед вторым актом трагедии. Главное — не забыть текст. А текста у него накопилось на целую трилогию.

Часть VI. Мизансцена сборов

Оставшиеся три часа до прибытия превратились в вязкий, тягучий сон наяву. Препарат обеспечивал физическое бодрствование, но психика брала свое. Аркадий проваливался в короткие, яркие вспышки воспоминаний, которые чередовались с просмотром потолка купе.

Память первая: Золотая маска. Церемония вручения главной театральной премии. Он стоит на сцене. В руках тяжелая статуэтка. Зал ревет. Камеры направлены на него. А в третьем ряду, в тени, сидит Крестовский. Он не хлопает. Он просто смотрит, чуть наклонив голову набок, и когда их взгляды встречаются в объективе трансляции, режиссер беззвучно произносит губами одно слово: «Случайность».

Память вторая: Гримерка. После спектакля «Макбет». Аркадий сидит перед зеркалом, снимая грим. Входит Крестовский. Молчит минуту. Потом говорит: «Твоя леди Макбет умерла по-настоящему сегодня, Аркадий. А ты просто снял маску убийцы. Где твоя боль? Я не вижу твоей боли». А у Аркадия в тот день болел зуб, и единственное, чего он хотел — успеть в аптеку до закрытия.

Поезд мерно стучал колесами. Тук-тук. Тук-тук. Ритм гипнотизировал.

Аркадий сел. Потянулся. Сделал глоток воды. Горло больше не драло. Легкие работали идеально. Ни кашля, ни одышки. Физически он чувствовал себя на тридцать лет моложе. Это пугало больше, чем близость смерти. Он был марионеткой, чьи веревки сделаны из его собственных нервов.

За окном стемнело окончательно. Россия за стеклом превратилась в черную дыру, изредка прорезаемую огнями далеких переездов.

Аркадий встал. Прошелся по тесному купе — три шага туда, три обратно.

Достал костюм. Повесил на крючок. Попробовал разгладить складки руками. Бесполезно. Нужен отпариватель. Придется выглядеть помятым. Ничего, это добавит образу «страдальца».

Он снова посмотрел на себя в зеркало на двери.

Препарат делал свое дело. Исчезла одутловатость. Ушли синяки под глазами. Кожа подтянулась. Перед ним стоял мужчина неопределенного возраста, красивый той хищной, неряшливой красотой, которая так нравится женщинам бальзаковского возраста.

Но глаза... Глаза выдавали. В них плескался страх, густо замешанный на ненависти.

— Выходите на поклон, — сказал он зеркалу фразой, которую слышал от Крестовского сотни раз перед премьерами. — По одному. Соблюдаем темпоритм.

Локомотив издал долгий, тоскливый гудок, проходя через лес. Звук был протяжным, вибрирующим, полным одиночества.

Аркадий вздрогнул. Усадьба уже близко.

Он вернулся на диван, застегнул верхнюю пуговицу рубашки.

Свет в купе мигнул и погас на долю секунды, перейдя в режим ночника — тусклое оранжевое свечение.

Тьма придвинулась ближе.

Конец Главы 2.

Глава 4. Декорация: Стекло и Слово

Часть I. Анатомия пустоты

Стеклянный пентхаус на сорок третьем этаже встречал Илью Брика холодом стерильной белизны. Солнце, пробивающееся сквозь панорамные окна от пола до потолка, резало глаза, превращая каждый предмет интерьера в ослепительную вспышку — хром, хрусталь, полированный мрамор. Спальня была похожа на операционную: белые стены, белое постельное белье с идеально заправленными уголками, никаких лишних вещей. Только кровать-капсула с ортопедическим матрасом стоимостью в годовой доход среднего провинциального театра, да прикроватная тумба, на которой стоял стакан с водой — ни капли росы на стекле, ни отпечатка пальцев.

Илья Брик лежал с открытыми глазами уже третий час. Бессонница пришла к нему неделю назад, в ночь после закрытия его последней пьесы «Фасад». Премьера провалилась. Критики называли её «спектаклем с прекрасным светом и пустой сценой», «дизайнерским проектом без души», а один особенно злобный рецензент из «Сноба» написал, что «господин Брик, похоже, окончательно перестал отличать глубокую мысль от удачной рифмы».

Рифма. Вот чем стала его жизнь в последние годы. Точные, выверенные рифмы, скользящие по поверхности, не задевающие дно. Илья знал это. Он чувствовал это каждое утро, когда смотрел в зеркало на своё лицо — безупречное, подтянутое, с едва заметными следами дорожкой пластики, сделанной в Швейцарии два года назад. Ему было пятьдесят два, но выглядел он на сорок. И это тоже была рифма. Пустая, гладкая, не имеющая отношения к реальности.

Он сел на кровати, ощутив привычную пустоту в желудке. Ни голода, ни сытости — только вакуум. Холодильник на кухне был заставлен идеальными контейнерами с едой от персонального шеф-повара, который приходил два раза в неделю и готовил порции, расписанные по граммам и калориям. Курица с овощами. Лосось на пару. Киноа с грибами. Илья не прика-

сался к ним уже сутки. Еда перестала доставлять удовольствие где-то в тот момент, когда он понял, что зрители приходят на его пьесы не за смыслом, а за антуражем.

Он встал. Босые ступни коснулись теплого пола с подогревом — идеальная температура, двадцать два градуса, настроенная умной системой дома. В пентхаусе было тихо. Слишком тихо. Тишина здесь была другой, не такой, как в старых театральных гримерках с их гулом вентиляции и далекими голосами актеров. Эта тишина была вакуумной, как в банке для хранения редких образцов.

Илья прошел в ванную. Зеркало, занимающее целую стену, отразило его фигуру — подтянутую, сухую, без лишнего жира. Тренажерный зал в подвале небоскреба посещался им пять раз в неделю, даже когда он не выходил из дома. Плоский живот, широкие плечи, руки с четким рельефом. Лицо тоже было идеальным: аккуратная седая щетина, выбритая по контуру сантиметр за сантиметром (это делал его личный стилист раз в три дня), высокие скулы, прямой нос и глаза — серые, холодные, смотрящие на мир с презрительным любопытством поймавшего насекомое энтомолога.

— Доброе утро, господин пустышка, — сказал он своему отражению.

Голос прозвучал ровно, без эмоций. Это был профессиональный навык — драматург учился владеть интонацией не хуже актеров, чтобы слышать тексты «изнутри». Но сейчас в его голосе не было ничего. Только сухая констатация факта.

Он принял душ. Вода была горячей, почти обжигающей — единственное ощущение, которое он позволял себе в последнее время. Боль от температуры напоминала, что он еще жив. Он стоял под струями, уткнувшись лбом в холодный кафель, и думал о вчерашнем дне. О пустом зале. О том, как актеры выходили на поклон под жидкие хлопки, а он сидел в ложе и чувствовал, как его имя выветривается из воздуха, уступая место другим фамилиям.

«Фасад» должен был стать его триумфом. Три года работы. Восемь версий текста. Три режиссера сменились за период репетиций. Итог — рецензии, в которых слова «пустота» и «декоративность» встречались чаще, чем имена актеров.

Вода выключилась автоматически через семь минут — таймер, установленный для экономии ресурсов. Илья вышел из душа, обернулся в махровый халат и подошел к окну. Москва внизу просыпалась. Миллионы людей спешили на работу, в метро, в офисы, в театры. Илья смотрел на них сверху и не чувствовал ничего. Ни зависти, ни превосходства, ни одиночества. Только стеклянная стена отделяла его от мира. И в этой стене не было даже трещины.

Он прошел на кухню. Налил стакан воды из графина — никакого льда, только комнатная температура, как советуют диетологи. Сделал глоток. Вода была безвкусной. Как и всё в этом пентхаусе.

Телефон на столешнице мигнул уведомлением. Илья взял его, ожидая очередного письма от продюсера с просьбой переписать финал, или от издателя с предложением выпустить сборник пьес, которое он должен был отклонить, потому что сборник требовал предисловия, а писать предисловие к собственным пустотам было выше его сил.

Но уведомление пришло из системы управления домом: «Прибыл курьерский робот. Код доступа: 3719. Разрешить подъем?»

Илья нахмурился. Он не заказывал ничего. Никаких посылок, никаких документов. Его жизнь была настолько отрегулированной, что любые случайности казались подозрительными.

— Разрешить, — сказал он в пустоту, и голосовой ассистент подтвердил команду.

Через две минуты за дверью раздался мягкий гул — бесшумный лифт доставил робота на этаж. Дверь открылась автоматически. В проеме стоял небольшой цилиндрический аппарат на колесиках, белый и глянцевый, как и всё в этом доме. На верхней панели робота лежал конверт.

Не обычный конверт из почтовой службы. Илья сразу это заметил. Кремовая бумага, тяжелая, с выраженной текстурой. Сургучная печать. Маска комедии, рассеченная молнией.

Сердце пропустило удар. Буквально на долю секунды — до этого он думал, что его сердце вообще перестало реагировать на внешние раздражители.

Робот пискнул, подтверждая доставку, и покатился обратно к лифту. Дверь закрылась. Илья остался один с конвертом в руках.

Он не мог пошевелиться несколько секунд. Стоял посреди идеальной кухни, сжимая в пальцах плотный картон, и чувствовал, как внутри поднимается что-то давно забытое. Страх. Смешанный с яростью. И с чем-то еще — с чем-то, чему он не мог подобрать названия.

Он знал эту печать. Конечно знал. Игнат Крестовский использовал её для всех своих личных документов — писем, приглашений, контрактов. В те времена, когда Илья еще был никем, а Крестовский — властителем умов театральной Москвы, эта печать появлялась на его столе не раз. И каждый раз она приносила либо унижение, либо жестокий урок.

Но Крестовский был мертв. Илья читал некролог три дня назад. Он даже испытал что-то похожее на облегчение, когда увидел эту новость в «Коммерсанте». Главный враг его творческой жизни перестал существовать. Можно вздохнуть свободно.

И вот теперь печать снова здесь. На его столе. В его пентхаусе.

— Это невозможно, — произнес он вслух. Голос дрогнул. Впервые за много лет голос дрогнул.

Он прошел в гостиную, сел в белое кожаное кресло, которое стоило как хороший подержанный автомобиль. Конверт лежал на столике перед ним. Илья смотрел на него, пытаясь найти рациональное объяснение. Розыгрыш? Кто-то из актеров решил пошутить? Или это часть какого-то маркетингового хода нового театрального проекта?

Но бумага была настоящей. И сургуч был настоящим — Илья знал этот запах смолы и воска, он узнал бы его из тысячи. Крестовский всегда использовал особый состав, смешивая натуральную смолу с кирпичной пылью для темно-вишневого оттенка. Илья как-то спросил его об этом, и режиссер ответил с усмешкой: «Чтобы мои письма пахли кровью, Илья. Так запоминается лучше».

Пальцы дрожали, когда он поддел печать ногтем. Сургуч треснул с сухим, отчетливым звуком. Илья разорвал конверт, не заботясь об аккуратности, и вытряхнул содержимое на стеклянную поверхность стола.

Билет. Ключ. Записка.

Он взял билет первым. «Сапсан», вагон №4, место №9. Отправление сегодня, 22:45. Станция назначения — «47-й километр». Частный терминал. Илья знал этот маршрут — он вел в Богом забытую глушь, где-то на границе Тверской и Московской областей. Туда, где у Крестовского была усадьба.

Потом ключ. Массивный, латунный, с трехзубой бородкой и гравировкой в виде герба — щит, пересеченный молнией. На ощупь металл был холодным, хотя в квартире поддерживалась постоянная температура. Казалось, что ключ только что извлекли из вечной мерзлоты.

И наконец — записка. Прямоугольник плотного картона, отпечатанный на старой пишущей машинке. Буквы вдавлены в бумагу с такой силой, что их можно было прочесть на ощупь.

«Илья.

Вы называете слова "инструментом", но сами давно пишете воздух. Я даю вам сюжет для трагедии. Он разыграется в моем кабинете. Приезжайте за своим "Оскаром".

Не опаздывайте. Режиссер ненавидит ждать.

И.К.»

Илья перечитал записку три раза. Четыре. На пятый раз он почувствовал, как красная пелена ярости застилает глаза.

Воздух. Крестовский назвал его тексты воздухом. Снова. Даже мертвый, этот ублюдок продолжал бить в самое больное место.

— Сука, — выдохнул Илья.

Слово прозвучало непривычно резко в стерильной тишине пентхауса. Он вообще редко ругался. Считал это признаком дурного тона и отсутствия словарного запаса. Но сейчас матерное слово вывалось естественно, как дыхание.

Он встал, прошелся по комнате. Пять шагов туда, пять обратно. Белая кожа скрипела под ногами. Тишина давила на уши.

Воздух. Пустышки. Пустота.

Вот что сказал Крестовский на той пресс-конференции пять лет назад. Илья помнил каждое слово, каждый интонационный оттенок.

— Творчество господина Брика, — произнес тогда режиссер, не глядя на самого драматурга, а будто читая лекцию залу. — Это прекрасные декорации без актеров. Изысканные формы, за которыми нет содержания. Он пишет диалоги для глухих, Илья. Вам не кажется, что это жестоко — предлагать глухим слова, которые не звучат?

Зал тогда рассмеялся. Смеялись продюсеры, смеялись журналисты, смеялись даже некоторые актеры. Илья сидел в третьем ряду и чувствовал, как земля уходит из-под ног. Он хотел ответить, хотел возразить, но слова застряли в горле. Потому что Крестовский был прав. Он всегда был прав, этот старый садист. Именно поэтому Илья ненавидел его так сильно.

Годы прошли, но шрам остался. Каждую новую пьесу Илья писал с мыслью: «А что скажет Крестовский?» И каждый раз, когда он заканчивал текст и перечитывал его, в голове звучал тот самый голос — сухой, насмешливый, точный. «Пустышка, Илья. Еще одна пустышка. Ты боишься конфликта. Ты пишешь диалоги для глухих».

Илья остановился у окна. За стеклом Москва жила своей жизнью. Автомобили ползли по забитым пробками улицам, люди спешили по своим делам, мир вращался. Илья смотрел на всё это и чувствовал себя отделенным. Отрезанным стеклянной стеной, которая становилась всё толще с каждым годом.

Он посмотрел на своё отражение в стекле. Безупречный профиль, седая щетина, холодные серые глаза. И пустота внутри. Бесконечная, звенящая пустота, которую он маскировал остроумными диалогами и сложными сюжетными конструкциями.

— Зачем ты это делаешь, Игнат? — спросил он у отражения, зная, что ответа не получит. — Тебя нет. Ты гниль. Почему ты всё еще здесь?

Отражение молчало. Только облака плыли за ним по серому ноябрьскому небу, и солнечные лучи пробивались сквозь них, превращая стекло в зеркальную стену, за которой не было ничего.

Часть II. Вторжение хаоса

Илья взял телефон. Пальцы всё еще дрожали, но он заставил их успокоиться — волевым усилием, которое далось с трудом. Глубокий вдох. Выдох. Еще один.

Он набрал номер своего агента, Григория Марковича, человека старой школы, который работал с ним уже пятнадцать лет и знал о его творческих провалах больше, чем кто-либо.

— Илья Михайлович, — ответил агент после третьего гудка. Голос сонный, он явно еще не проснулся. — Вы знаете, который час?

— Григорий, что ты знаешь о Крестовском? — перебил Илья. — О его завещании. О собрании.

На том конце повисла пауза. Илья слышал, как агент кряхтит, поднимаясь с кровати, как шуршит одеяло.

— Вы тоже получили? — спросил Григорий после длительного молчания.

— Тоже? — переспросил Илья, и внутри всё похолодело. — Кто еще получил?

— Не знаю. Но я слышал, что Левин, адвокат Крестовского, разослал шесть приглашений. Шесть наследников. Одно из них — вам.

— Я не наследник, Григорий. Я враг.

— Видимо, для Крестовского это одно и то же, — философски заметил агент. — Слушайте, Илья Михайлович, я не знаю всех деталей. Левин — старый нотариус, с ним не поговоришь. Но сумма там... — Григорий понизил голос до заговорщицкого шепота, хотя в квартире никого не было. — Если верить слухам, Крестовский оставил состояние, которое может покрыть ваши долги и еще останется на пару театров.

— У меня нет долгов, — сухо ответил Илья.

— А как насчет продюсерского центра? — уточнил агент. — Тот кредит на реконструкцию здания...

Илья стиснул зубы. Кредит. Четыре миллиона долларов, взятые под залог будущих постановок. Постановки провалились, проценты росли, банк уже начал звонить. Илья скрывал это даже от ближайшего окружения, но Григорий был агентом, он знал всё. Или почти всё.

— Это не важно, — отрезал Илья. — Я не поеду.

— Илья Михайлович...

— Я сказал, не поеду!

Он сбросил вызов, швырнув телефон на диван. Аппарат отскочил от мягкой кожи и упал на пол. Экран треснул — тонкая паутина разошлась от угла к центру. Илья посмотрел на трещину и почувствовал странное удовлетворение. Хоть что-то в этом идеальном мире было сломано.

Он прошел на кухню. Открыл холодильник. Контейнеры с едой стояли ровными рядами, как солдаты на параде. Илья закрыл дверцу. Открыл снова. Закрыл. Бессмысленное движение, но оно помогало успокоиться.

Через минуту он уже стоял у окна гостиной, глядя вниз, на бесконечный поток машин на Садовом кольце. Москва жила своей жизнью, и ей не было дела до того, что какой-то драматург в стеклянном пентхаусе получил письмо от мертвеца.

Илья заставил себя думать рационально. Это было его оружие против страха — холодный, беспощадный рационализм. Он разложил ситуацию на составляющие, как разбирает пьесу на акты и сцены.

Факт первый: Крестовский мертв. Остановка сердца, полиорганная недостаточность, свидетельство о смерти есть. Об этом писали газеты, об этом говорили в театральных кругах.

Факт второй: Письмо пришло после его смерти. Значит, либо оно было отправлено заранее (почтовая служба, курьер), либо кто-то продолжает использовать его имя.

Факт третий: Сургучная печать — подлинная. Илья знал её до мельчайших деталей. Такие печати невозможно подделать — Крестовский использовал индивидуальный штамп, который хранился в его сейфе.

Факт четвертый: Приглашений шесть. Шесть врагов. Илья знал о пятерых других — Аркадий Вершинин (стареющий актер, алкоголик), Елена Соболева (бывшая прима, ныне никому не нужная), какой-то критик, какой-то продюсер, и молодая актриса, чье имя он не помнил. Все они были людьми, которых Крестовский уничтожил при жизни — или пытался уничтожить.

Факт пятый: Завещание. Крупная сумма. Илья не мог точно знать, сколько именно, но Григорий никогда не говорил ерунды. Если речь идет о миллионах, это меняет всё.

Илья взял конверт снова. Достал билет, ключ, записку. Разложил их на столе, как пасьянс.

— Ты хочешь меня унижить, — прошептал он, обращаясь к невидимому оппоненту. — Ты хочешь, чтобы я приехал, чтобы ты прочитал мне лекцию о том, какая я пустота. Даже мертвый, ты хочешь поиграть в бога.

Но ведь он может не ехать. Может просто выбросить билет, сдать ключ в утиль, и забыть о существовании Игната Крестовского навсегда. Прах в урну, режиссера в землю, а его, Илью Брика, в новую эру творчества, свободного от оков старого садиста.

Илья закрыл глаза. Перед ним всплыло лицо Крестовского — пергаментная кожа, острые скулы, пронзительные глаза цвета выцветшего неба. Улыбка, которая никогда не достигала глаз. Голос, сухой и насмешливый:

— Вы боитесь конфликта, Илья. Вы пишете диалоги для глухих.

Илья открыл глаза. Он понял, что не может не поехать.

Потому что если он не поедет, он никогда не узнает, что Крестовский приготовил для него на прощание. Он останется в своем стеклянном пентхаусе, среди белых стен и идеальной тишины, и будет гадать — что же хотел сказать ему мертвый режиссер в своей последней записке?

«Приезжайте за своим "Оскаром"».

Какая насмешка. Оскар — символ признания, которого у Ильи никогда не было. Крестовский прекрасно знал это. Он знал, что для Ильи главная награда — это публичное признание его таланта. И именно этого у него никогда не будет, пока жив Крестовский. Вернее, пока жив его призрак.

— Хорошо, — сказал Илья в пустоту. — Ты выиграл. Я приеду. Но я буду играть по своим правилам.

Он взял телефон, посмотрел на треснувший экран. Сообщение от Григория: «Позвоните мне, когда остынете. Обсудим стратегию».

Илья набрал ответ: «Я еду. Информацию о Левине скиньте в мессенджер. До пятницы».

Отправил. Убрал телефон в карман.

С этого момента начинался его спектакль. Илья Брик против призрака Игната Крестовского. Автор против режиссера. Живой против мертвого.

Часть III. Стадия отрицания и расчета

Время до отъезда превратилось в череду бессмысленных действий, которые Илья выполнял механически, как запрограммированный робот. Он принял душ второй раз за утро. Переоделся в домашний костюм, потом снова в халат. Выпил стакан воды, но даже не почувствовал вкуса.

Рациональный ум требовал анализа. Илья сел за рабочий стол — длинную белую панель, встроенную в стену, с тремя мониторами, клавиатурой и блокнотом для рукописных заметок. Он всегда начинал работу с ручки и бумаги — это был его ритуал, пережиток прошлого, когда он еще был начинающим драматургом и писал первые пьесы в дешевых съемных квартирах.

Он взял ручку «Montblanc» (подарок от продюсера за успешную премьеру пять лет назад, тогда всё еще было хорошо) и начал записывать.

1. Мотивация Крестовского.

Зачем мертвецу собирать своих врагов в одной комнате? Месть? Унижение? Или что-то более сложное? Илья знал Крестовского достаточно хорошо, чтобы понимать — тот никогда не делал ничего просто так. Каждый жест, каждое слово, каждая пауза были рассчитаны на эффект.

«Он хочет, чтобы мы приехали, — писал Илья. — Он хочет, чтобы мы увидели его мертвым. Чтобы мы поняли, что даже после смерти он контролирует ситуацию. Это финальный акт его великого спектакля. Мы — актеры, он — режиссер. Мы должны сыграть свои роли, даже если зрительный зал пуст».

Илья перечитал написанное и почувствовал, как холодок пробежал по спине. Крестовский действительно был способен на такое. Он воспринимал смерть как еще один художественный прием, как финальный штрих в своей бесконечной композиции.

2. Мотивация Ильи.

Зачем ему ехать?

Первое — деньги. Илья не хотел признаваться в этом даже самому себе, но кредит на продюсерский центр давил на него, как гиря на шее. Четыре миллиона долларов. Проценты. Угроза банкротства. Если Крестовский действительно оставил ему долю в наследстве, это может спасти его карьеру.

Второе — информация. Илья подозревал, что Крестовский мог оставить компромат на всех своих врагов. Если такие документы существуют, их нужно уничтожить. Или, наоборот, использовать. Зависит от того, что именно там написано.

Третье — сатисфакция. Илья хотел увидеть Крестовского мертвым. Своими глазами. Убедиться, что этот монстр действительно исчез из мира живых. Только тогда он сможет начать писать по-настоящему свободно.

Илья отложил ручку. Посмотрел на свои записи. Три причины, и все они — эгоистичные, корыстные, жестокие. Но это было честно. По крайней мере, перед самим собой он не врал.

Зазвонил телефон — на этот раз по защищенной линии, которую Илья использовал для важных разговоров. На экране высветилось имя: «Соболева Е.».

Илья помедлил, затем ответил.

— Илья Михайлович? — голос женщины был хриплым, с металлическими нотками. Елена Соболева, бывшая прима театра Крестовского, когда-то была звездой сцены. Теперь она, по слухам, пила и жила на пособие.

— Да, Елена, — сухо ответил Илья. — Я слушаю.

— Вы тоже получили? — спросила она, и в голосе послышались слезы. — Это письмо? От него?

— Получил.

— Что вы будете делать? — голос Соболевой дрожал. — Я не знаю, что делать. Я думала, он оставил меня в покое. Он же мертв, Илья! Мертв! А теперь...

— Елена, — перебил Илья, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и уверенно. — Вы поедете?

На том конце повисла тишина. Слышно было только тяжелое дыхание.

— Я боюсь, — призналась она наконец. — Я боюсь, что он что-то задумал. Что он хочет нас всех уничтожить. Вы знаете, он был способен на всё. На всё!

— Он мертв, — повторил Илья, но слова прозвучали неуверенно даже для него самого. — Он не может ничего сделать.

— А письмо? — вскрикнула Соболева. — Письмо! Кто его прислал, если он мертв? Кто?

Илья молчал. На этот вопрос у него не было ответа.

— Я поеду, — сказал он наконец. — И вам советую сделать то же самое. Если мы не приедем, мы никогда не узнаем, что он задумал. А неизвестность — это хуже, чем правда. Даже если правда горькая.

— Вы правы, — прошептала Соболева. — Но... я не хочу быть там одна. Можно я позвоню вам, когда приеду?

— Звоните, — согласился Илья и отключился.

Он поставил телефон на стол. Руки дрожали мелкой дрожью. Он заставил себя успокоиться, сделав несколько глубоких вдохов. Игла рациональности проникла в клубок страха и начала распутывать его, как сложный театральный узел.

«Я не позволю тебе запугать меня, Игнат. Ты мертв. Ты всего лишь труп. А я жив. Я напишу свою пьесу. И она будет лучше всех твоих постановок. Потому что она будет честной».

Илья взял телефон и набрал номер нотариуса Левина.

— Илья Михайлович, — ответил тот после первого же гудка, будто ждал звонка. — Я знал, что вы позвоните.

— Объясните мне, — сказал Илья без предисловий. — Что происходит? Зачем Крестовский собрал всех нас?

— Я не могу раскрыть содержание завещания до оглашения, — сухо ответил Левин. — Это нарушение профессиональной этики.

— Левин, — голос Ильи стал жестким. — Я не прошу вас нарушать этику. Я прошу сказать, есть ли там что-то, что может угрожать моей жизни или моей репутации.

На том конце послышался вздох.

— Илья Михайлович, — сказал Левин после паузы. — Я работал с Игнатом Андреевичем двадцать лет. Он был... сложным человеком. Но он всегда уважал закон. Завещание составлено в соответствии со всеми нормами. Никаких угроз, никаких криминальных действий. Только юридические документы.

— И что, в этих документах нет ничего, что может меня уничтожить?

— Я не могу ответить на этот вопрос, — уклончиво сказал Левин. — Приезжайте. Узнаете сами. Или не приезжайте. Но я должен предупредить: если вы не явитесь в указанный срок, ваша доля наследства будет передана другим наследникам. Или, если они тоже не явятся, — государству.

— Какая доля? — спросил Илья, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

— Значительная, — ответил Левин и положил трубку.

Илья уставился на телефон. Значительная доля. Что это значило? Десять процентов? Двадцать? Или больше? Крестовский был богат — его состояние оценивалось в десятки миллионов долларов. Даже небольшая доля могла решить все финансовые проблемы Ильи.

Но цена? Какова цена этого наследства? Илья знал Крестовского достаточно хорошо, чтобы понимать — тот никогда не давал ничего просто так. Каждый подарок был ловушкой, каждое благодеяние — капканом.

Илья встал из-за стола, прошелся по комнате. Белые стены, белая мебель, идеальная чистота. Пустота. Бесконечная пустота, которую он пытался заполнить деньгами и славой. И вот теперь Крестовский предлагал ему ключ от своей усадьбы — и, возможно, от новой жизни.

«Ты хочешь меня купить, — подумал Илья. — Ты хочешь, чтобы я приехал, увидел твой труп и понял, что я никогда не смогу быть свободным. Потому что даже мертвый, ты будешь владеть мной. Ты будешь моим должником, Игнат. И я буду должен тебе. Всегда».

Он подошел к окну. За стеклом Москва уже жила полной жизнью, не обращая внимания на драмы, разворачивающиеся в стеклянных пентхаусах.

«Я поеду, — решил Илья. — Но я буду играть по своим правилам. Я возьму диктофон. Я запишу всё. И если там будет хоть что-то, что можно использовать против тебя, я использую это. Я уничтожу твою память, Игнат. Я напишу пьесу о тебе. И она будет правдивой. Более правдивой, чем все твои постановки».

Он усмехнулся своему отражению. Получилось криво, неестественно. Улыбка не дошла до глаз.

— Игра началась, — сказал он тихо. — И я выиграю.

Часть IV. Подготовка к спектаклю

Илья провел в пентхаусе еще два часа. Сборы заняли меньше времени, чем он ожидал — он всегда путешествовал налегке, даже в те времена, когда гастролировал с театром по стране. Но сейчас он собирался не на обычные гастролы. Он собирался на встречу с призраком.

Он выбрал темно-синюю водолазку из мягкого кашемира, черные брюки от «Armani» и пиджак свободного кроя, который придавал ему вид артистической небрежности. Главное — чтобы никто не догадался, что он готовился больше часа, подбирая костюм, в котором сочетались бы элегантность и вызов.

В кейс он положил ноутбук, диктофон (маленький, черный, незаметный), запасную ручку, блокнот и паспорт. Никакой лишней одежды, никаких личных вещей, которые могли бы выдать его слабости. Только инструменты.

Перед выходом он задержался у зеркала. Безупречный профиль, седая щетина, холодные серые глаза. На коже не было ни морщинки — результат швейцарской пластики и дорогих кремов. Но под глазами залегли темные круги — бессонница взяла свое, несмотря на все ухищрения.

— Ты выглядишь как труп, — сказал он своему отражению. — Как наряженный труп, который пытается притвориться живым.

Он нанес тональный крем — буквально каплю, чтобы скрыть синяки. Это было униЗИтельно. Мужчина его возраста не должен пользоваться косметикой. Но он должен выглядеть безупречно. Особенно перед ними. Перед Аркадием, который всегда выглядел помятым и пьяным. Перед Еленой, которая, по слухам, опустилась на самое дно. Он должен показать им, что он — лучший. Что Крестовский ошибался, считая его пустышкой.

Зазвонил телефон. Илья посмотрел на экран — звонила жена, Карина.

— Привет, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Как ты?

— Отлично, — ответила Карина. Голос был ровным, безразличным — таким же, как и последние три года их брака. — Мы с детьми на море. Солнце, пляж, всё как ты любишь. Ты скучаешь?

— Конечно, — соврал Илья. Он почти не скучал. Даже когда Карина уезжала с детьми на несколько месяцев, он не чувствовал пустоты. Потому что пустота уже была внутри него, и никто не мог ее заполнить.

— Я звоню спросить, — продолжила Карина. — Ты получил письмо?

Илья замер.

— Откуда ты знаешь?

— Мне позвонил Григорий. Сказал, что ты собираешься в какую-то усадьбу. Что там что-то важное.

— Это творческая поездка, — сухо ответил Илья. — Я пишу новую пьесу. Нужно сменить обстановку.

— Ты всегда так говоришь, — вздохнула Карина. — Когда у тебя проблемы, ты прячешься за творчеством. Ты же знаешь, я не против. Просто... будь осторожен. Я слышала, этот Крестовский был опасным человеком.

— Он мертв, — отрезал Илья. — Он не может быть опасным.

— Мертвые тоже опасны, — тихо сказала Карина. — Особенно такие, как он. Они оставляют после себя ловушки. Ты же знаешь, я всегда говорила, что он тебя уничтожил. Что после той пресс-конференции ты перестал быть собой.

— Я в порядке, — голос Ильи стал жестче. — Я всегда в порядке. Не беспокойся обо мне. Отдыхай с детьми.

Он сбросил вызов. На экране осталось изображение семьи — фото, сделанное два года назад на Рождество. Карина улыбалась, дети смеялись, Илья стоял рядом, но его лицо было пустым. На фотографии он выглядел так же, как сейчас в зеркале — идеальная маска, за которой нет ничего.

«Она права, — подумал он. — Крестовский действительно меня уничтожил. Уничтожил мою способность писать честно. Я боюсь конфликта. Я боюсь настоящих чувств. Я пишу диалоги для глухих, потому что боюсь, что если скажу правду, меня убьют. Или, что хуже, — осмеют».

Он взял ключи, кейс, билет. Последний раз оглядел пентхаус — идеальная белизна, стерильная чистота, абсолютная пустота. В этой квартире не было его следа. Ни одной вещи, которая рассказывала бы о его жизни. Только мебель, купленная дизайнером. Только аксессуары, выбранные стилистом. Только отражения, в которых не было души.

— Прощай, — сказал он пустому пентхаусу. — Я вернусь другим. Я должен вернуться другим. Или не вернуться вообще.

Он вышел за дверь, и автоматика закрыла за ним замок — мягкий щелчок, который отрезал его от идеального мира белой тишины.

Лифт бесшумно спустил его на подземный паркинг. Черный «Tesla Model S» стоял на своем месте, заряженный до 95%. Илья сел за руль, ввел адрес Белорусского вокзала. Машина плавно тронулась, вырливая на улицу.

Москва встретила его серым, дождливым утром. Ноябрьское небо висело низко, холодный ветер бросал в лобовое стекло колючие капли. Илья смотрел на город, по которому проезжал, и чувствовал себя чужим. Здесь была его жизнь — театры, студии, продюсерские центры, рестораны, где он обедал с коллегами. Но всё это казалось декорациями. Фальшивыми декорациями, за которыми не было стен.

Навигатор проложил маршрут через центр. Сорок минут в пробках. Илья включил радио — классическую музыку, Бетховена. Симфония №5. Судьба стучится в дверь. Судьба уже постучалась в его дверь — кремовым конвертом с сургучной печатью.

Он думал о Крестовском. О первой встрече, о последней встрече, о всех встречах между ними. Режиссер был старше его на тридцать лет, но их соперничество длилось почти два десятилетия. Крестовский всегда считал Илью выскочкой, талантливым, но пустым, виртуозным фокусником, который не умеет создавать настоящие эмоции. Илья считал Крестовского тираном, деспотом, который уничтожает молодые таланты, чтобы не делить славу.

Они правы были оба.

Илья вспомнил их последнюю встречу — год назад, на премьере «Фасада». Крестовский пришел, сел в последний ряд и смотрел спектакль без единой эмоции на лице. После финальных аплодисментов он подошел к Илье в фойе. Сказал только одну фразу:

— Илья, вы построили прекрасный дом. Но в нем никто не живет.

А потом повернулся и ушел. Илья смотрел ему вслед, и в его душе закипала ненависть. Потому что Крестовский был прав. И он знал об этом.

Сейчас Илья заново переживал эту сцену, сидя в автомобиле, который двигался в пробке по Садовому кольцу. Он сжимал руль так сильно, что костяшки пальцев побелели. Он чувствовал, как в груди поднимается старая, знакомая боль.

«Ты прав, — мысленно обратился он к Крестовскому. — В моих пьесах никто не живет. Потому что я боюсь жизни. Я боюсь настоящих чувств. Я боюсь, что если я откроюсь, меня уничтожат. Как ты уничтожал всех, кто тебя любил. Как ты уничтожил своих актеров. Как ты уничтожил своего сына, который покончил с собой. Ты боялся жизни не меньше моего. Ты просто лучше умел прятать свой страх за маской тирании».

Илья почувствовал, как его дыхание выровнялось. Это было прозрение. Он вдруг понял, что Крестовский и он — одно и то же. Два человека, которые боялись жизни и прятали свой страх за творчеством. Разница была только в том, что Крестовский был сильнее. Он умел управлять страхом, превращая его в искусство. Илья — нет. Илья позволял страху управлять собой.

«Но я изменюсь, — пообещал он себе. — Я приеду в твою усадьбу, Игнат. Я посмотрю на твой труп. И я увижу, кем я становлюсь. Я увижу свою собственную смерть, если продолжу бояться. И это изменит меня».

Часть V. Столкновение с прошлым

Белорусский вокзал был полон людей. Илья ненавидел толпу — слишком много шума, слишком много лишней информации, слишком много лиц, которые требовали внимания. Он прошел через зал быстрым шагом, избегая контакта с пассажирами. В бизнес-зале ожидания было тише. Илья сел в кресло, открыл ноутбук — нужно было проверить почту, ответить на письма, сделать вид, что он работает.

На самом деле он не мог сконцентрироваться. Перед глазами стояло лицо Крестовского. Пергаментная кожа, острые скулы, глаза-щелки. И этот голос — сухой, надтреснутый, способный уничтожить одним словом.

Объявили посадку на его поезд. Илья закрыл ноутбук, взял кейс и направился к перрону. Платформа была почти пустой — только несколько пассажиров бизнес-класса, одетых в дорожную одежду, и проводницы в синих форменных кителях.

Он нашел свой вагон, предъявил билет. Проводница — молодая девушка с уставшим лицом — провела сканером по штрих-коду.

— Приятной поездки, — сказала она механически.

Илья вошел в вагон. Ему досталось отдельное купе — одноместное, с мягким диваном и столиком. Идеально для работы. Он захлопнул дверь, задвинул шторку, оставляя только маленькую щель, через которую можно было видеть коридор.

Поезд тронулся. Москва медленно поплыла за окнами — сначала вокзал, потом серые дома, потом бесконечные пригороды с их хаотичной застройкой. Илья смотрел на всё это, но ничего не видел. Он думал о том, что скоро окажется в усадьбе Крестовского.

Он включил диктофон и начал запись:

— Четвертое ноября, двадцать часов. Я в поезде, следующем к усадьбе Крестовского. Сегодня я должен встретиться с другими наследниками. Среди них — Аркадий Вершинин, Елена Соболева, а также другие люди, чьи имена мне неизвестны. Цель моей поездки — получить информацию о завещании и, возможно, о компрометирующих материалах, которые Крестовский мог оставить против меня.

Он помедлил, затем добавил:

— Я не знаю, что меня ждет. Но я готов ко всему. Я вооружен знанием. Я знаю, что Крестовский — это игра. Он всегда был игрой. И я выиграю в эту игру. Потому что я живой, а он мертвый.

Он выключил диктофон и убрал его в карман. Снаружи, за окном, уже стемнело. Огни Москвы остались позади, теперь поезд мчался сквозь темноту, и в темноте этой было что-то пугающее.

Илья посидел еще несколько минут, затем его взгляд упал на дверь купе. Через щель в шторке он видел коридор — пустой, тускло освещенный. Но в глубине коридора, у дальнего купе, он заметил фигуру. Мужчина, пожилой, с серым лицом и трясущимися руками, стоял у окна и смотрел в темноту.

Аркадий Вершинин.

Илья узнал его сразу. И хотя он никогда не был с ним близок, внутри поднялось странное чувство. Жалость? Презрение? Наверное, смесь того и другого.

Он вышел в коридор. Аркадий, услышав шаги, повернулся. Их взгляды встретились.

— Брик, — произнес Аркадий. Голос был хриплым, как у заядлого курильщика. — Тоже едешь на поклон к покойнику?

— Вершинин, — ответил Илья холодно. — Рад видеть, что вы еще держитесь на ногах. Хотя, судя по виду, держитесь с трудом.

— Я держусь, — усмехнулся Аркадий. — Как и все мы. А ты, Илья? Держишься? Как там твоя новая пьеса? Говорят, провалилась.

Илья стиснул зубы, но не позволил себе разозлиться.

— Успех — это не всегда число зрителей, — сказал он спокойно. — Иногда успех — это то, что остается после того, как занавес опущен. У вас, Аркадий, после занавеса ничего не осталось. Только бутылка на тумбочке.

— А у тебя? — парировал Аркадий. — У тебя остался страх. Ты всю жизнь боишься, что кто-то скажет, что ты пустой. И этот страх, Илья, он написан на твоём лице. Даже под слоем тонального крема видно.

Илья почувствовал, как кровь приливает к щекам. Он хотел ответить, но слова застряли в горле. Аркадий видел его насквозь. Так же, как Крестовский. Все они видели его насквозь. Пустую, гладкую оболочку, за которой нет ничего.

— Мы приедем в усадьбу, — сказал Аркадий, отворачиваясь к окну. — Мы увидим его мертвым. И тогда мы поймем, что он был прав. О каждом из нас. О тебе, обо мне, о Елене. Он говорил правду, этот старый ублюдок. Только правду. И поэтому мы его ненавидим.

Он замолчал. Илья стоял в коридоре, чувствуя, как внутри поднимается ярость. Ярость на Аркадия, на Крестовского, на самого себя. Потому что Аркадий был прав. Крестовский всегда говорил правду. И эта правда была невыносимой.

— Я пойду, — сказал Илья и развернулся.

Он вернулся в купе, запер дверь и сел на диван. Руки тряслись. Он взял фляжку с коньяком, которую всегда возил с собой, и сделал большой глоток. Жидкость обожгла горло, но не принесла облегчения.

«Я не пустышка, — подумал он, зажмурившись. — Я не пустышка. Я талантливый драматург. Я написал двенадцать пьес. Три из них были поставлены на лучших сценах страны. Я...»

Он не закончил мысль. Потому что знал — все эти пьесы были пустыми. Красивыми, блестящими, но пустыми. Как его квартира. Как его жизнь. Как его брак. Пустота. Бесконечная, звенящая пустота.

Илья открыл ноутбук. На экране был открыт файл с новой пьесой. Он начал писать её месяц назад, после премьеры «Фасада». Название: «Хищник». Первая строка: «Он был мертв, когда...»

Илья посмотрел на эту строку и почувствовал, как холод пробежал по спине. «Он был мертв, когда...» Это было про Крестовского? Или про него самого? О ком была эта пьеса — о мертвом режиссере или о живом драматурге, который превратился в пустоту?

Он закрыл файл, не сохранив изменений.

— Я не могу сейчас писать, — сказал он вслух. — Я не могу думать. Мне нужно добраться до усадьбы. Мне нужно увидеть его. Нужно понять, что он хотел сказать.

Поезд замедлил ход. За окном — лес, погруженный в ночь, и одинокий фонарь на полустанке. 47-й километр. Конечная.

Часть VI. Прибытие

Илья вышел из вагона. Ночной воздух ударил в лицо — холодный, колющий, пахнущий снегом и соснами. Здесь было тихо. Так тихо, что слышно было, как падают снежинки на асфальт. Где-то вдалеке выла метель.

На перроне было всего несколько пассажиров — люди в дорогих пальто, с кожаными чемоданами. Илья узнал Аркадия Вершинина, который стоял в стороне, курил и смотрел в темноту. Узнал Елену Соболеву — женщина лет шестидесяти, когда-то красавица, а теперь бледная, постаревшая, с глубокими морщинами вокруг глаз.

Илья подошел к ней.

— Елена, — сказал он. — Приятно видеть вас.

— Илья Михайлович, — ответила она, и голос ее дрожал. — Вы тоже здесь. Я так боялась, что приеду одна.

— Мы все здесь, — сказал Илья, оглядывая перрон. — Нас шестеро. Все враги Крестовского. Все готовы к финалу.

Он повернулся к выходу с вокзала. У выхода стоял черный микроавтобус с затемненными стеклами. Рядом с ним — водитель в темном костюме и черной кепке. Лицо его было скрыто тенью, но что-то в его фигуре показалось Илье знакомым.

— Садитесь, — сказал водитель тихим голосом. Его голос был сухим, трескучим, как шум старого радиоприемника. — Я отвезу вас в усадьбу.

— Кто вы? — спросил Илья, вглядываясь в темное лицо.

— Я шофер, — ответил водитель. — Просто шофер.

Илья сел в автобус. Внутри было темно, только маленький светильник под потолком освещал салон. Другие пассажиры уже сидели на своих местах — Илья увидел силуэты, различил тихое дыхание. Кто-то плакал. Кто-то молчал.

Автобус тронулся. Илья сидел у окна и смотрел на лес, который вырастал из темноты, обступал дорогу, сжимал её с обеих сторон. Снег падал всё сильнее. Сосны наклонялись под его тяжестью, ветки скрипели, и этот скрип был похож на голос Крестовского — сухой, надтреснутый, мертвый.

Через двадцать минут лес расступился. Впереди показалась усадьба — темная, массивная, с огромными окнами, за которыми не было света. Только один луч — слабый, красный — горел на первом этаже. Как глаз хищника в ночи.

Автобус остановился у главного входа. Водитель повернулся к пассажирам.

— Прошу выходить, — сказал он. — Хозяин ждет.

Илья вышел первым. Он остановился у подножия лестницы, ведущей к двери усадьбы, и посмотрел на здание. Оно было старым, массивным, построенным в стиле северного модерна — с каменными львами у входа, с резными дубовыми дверями и высокими, узкими окнами, похожими на бойницы.

Он почувствовал, как холод пробегает по коже. Не от ветра, а от предчувствия. Что-то в этой усадьбе было неправильным. Слишком тихим. Слишком темным. Слишком похожим на декорации, за которыми нет ничего.

Илья поднялся по лестнице. Остальные пассажиры следовали за ним — он слышал их шаги, тяжелые, неровные. Подошел к двери. Она была заперта, но ключ, который он получил в конверте, легко вошел в замочную скважину.

Илья повернул ключ. Дверь открылась.

Внутри было темно. Только тусклый красный свет горел где-то в глубине коридора, заливая стены багровым оттенком. Илья шагнул внутрь. За ним, один за другим, вошли остальные — Аркадий, Елена, и остальные трое, которых он не знал.

Дверь за ними захлопнулась с глухим стуком.

Илья стоял в прихожей, сжимая в руках кейс, и чувствовал, как холод, поднимающийся от каменного пола, пронизывает его до костей. Он был в доме Крестовского. Доме, который был построен так, чтобы пугать. Доме, который пах смертью.

— Мы здесь, — прошептал он в пустоту. — Мы все здесь. Игра начинается.

Где-то в глубине дома часы пробили полночь. Илья услышал этот звук — тяжелый, металлический, как удар молота по наковальне. И понял, что время пошло.

Семьдесят два часа. Три дня. За это время они должны были узнать правду о Крестовском, о себе, о своей жизни. Или умереть, пытаясь это сделать.

Илья сделал шаг вперед. В темноту. К свету. К смерти. К свободе. К концу спектакля, который начался двадцать лет назад, когда он впервые увидел Игната Крестовского и понял, что этот человек будет его величайшим врагом.

— Я готов, — сказал он тихо. — Иди сюда, Игнат. Я готов к финалу.

Глава 5. Декорация: Зеркало и Яд

Часть I. Анатомия взгляда

Стеклянный шар, в котором Софья Райх заперла себя добровольно, просыпался в шесть утра. Не от будильника — она давно научилась обходиться без этих механических провокаторов, — а от собственного организма, который с точностью швейцарского хронометра требовал первой порции лекарств. За окнами тридцать третьего этажа Москва ещё спала, укутанная в ноябрьский туман, но в квартире-студии на Патриарших уже начинался ритуал.

Софья лежала на безупречно заправленной постели, глядя в белый потолок без единого пятнышка. Её дыхание было ровным, почти незаметным, но внутри, глубоко под рёбрами, уже начинала свой медленный танец привычная боль. Васкулит — это не то состояние, которое можно игнорировать. Это постоянное напоминание о том, что тело — всего лишь сосуд, который со временем даёт трещины, как старый кувшин, слишком долго простоявший на солнце.

Она села на кровати, и комната, как по команде, начала обретать чёткость. Белые стены. Белое постельное бельё. Единственное цветное пятно — тёмно-синий, почти чёрный, фарфоровый кот, сидящий на подоконнике и смотрящий на неё с выражением королевского презрения.

— Доброе утро, Фарс, — сказала Софья, и её голос прозвучал сухо, как шуршание бумаги. — Ты сегодня снова будешь игнорировать меня? Или сочтёшь возможным уделить мне минуту своего бесценного внимания?

Кот моргнул. Один раз. Медленно. Это был его способ говорить «нет».

Софья усмехнулась — уголками губ, беззвучно, потому что смех требовал энергии, которой у неё не было. Она встала, прошла босыми ногами по тёплому полу с подогревом, чувствуя, как тепло проникает сквозь кожу, но не согревает кости. В ванной, перед зеркалом в полный рост, она увидела себя — женщину, которой чуть за пятьдесят, но которая выглядит на сорок пять, если не присматриваться слишком внимательно. Если не замечать мелкую сетку сосудов на скулах, которую не мог скрыть даже самый дорогой тональный крем. Если не видеть тусклость, осевшую на радужках глаз за последние два года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.